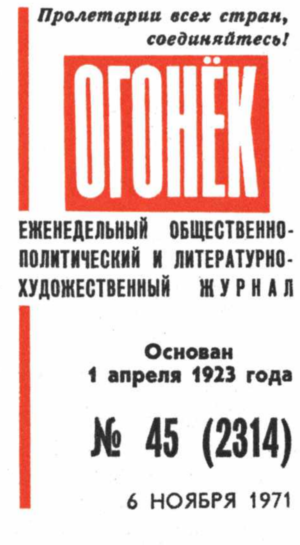

С ПРАЗДНИКОМ!
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

РАДУШНЫЕ ВСТРЕЧИ

Встреча с бывшими фронтовиками.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2314)

6 НОЯБРЯ 1971

Л. И. Брежнев отвечает на приветствия парижан, собравшихся у здания ратуши.

В ПАРИЖЕ

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

Париж. 30 октября в резиденции Президента Французской Республики — Елисейском дворце—в торжественной обстановке состоялось подписание совместного документа «Принципы сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией».

С советской стороны документ подписал Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, с французской стороны — Президент Французской Республики Ж. Помпиду.

СССР—ФРАН
МИР, БЕЗОПАС

Выступление Л. И. Брежнева по французскому телевидению смотрели и слушали десятки миллионов людей в СССР, Франции и других странах.

Париж, улица Мари-Роз. В музее-квартире В. И. Ленина Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев и заместитель Генерального секретаря ФКП товарищ Ж. Марше.

Марсельцы приветствуют Л. И. Брежнева.

Юрий **КОРНИЛОВ**,
Анатолий **КРАСИКОВ**

«Мир, безопасность, сотрудничество!» Эти слова особенно часто слышатся сейчас в Париже и на французском и на русском языке. С кем бы нам ни приходилось встречаться в столице Франции в последнее время, будь то видные государственные или общественные деятели, представители деловых кругов или активисты общества «Франция — СССР», основным стержнем бесед неизменно остается одна главная тема: недавний визит во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Оценка итогов этого визита практически единодушна: сделан новый, исключительно важный шаг к укреплению мира и безопасности в Европе и во всем мире, в богатую традициями летопись франко-советского сотрудничества вписана новая важная страница.

С удовлетворением отмечая, что в ходе парижских переговоров достигнуто согласие по весьма широкому кругу проблем, французская общественность и пресса уделяют особое внимание укреплению политического сотрудничества двух стран.

Много лет назад, в начале 1918 года, левый французский еженедельник «Ваг» опубликовал проникнутый симпатией к России «Франко-русский социалистический словарь». «Мир — это магическое слово, которое все русские произносят с жаром»,— говорилось в этой книге, которая ныне стала библиографической редкостью и весьма высоко ценится у знаменитых парижских букинистов, чьи пестрые лавочки украшают каменную набережную Сены.

За пятьдесят с лишним лет, минувших с тех пор, Франция, как и весь мир, многократно убеждалась в том, что последовательное стремление к прочному миру, к сотрудничеству и дружбе между народами—основа всей ленинской внешней политики Советского государства. Визит Л. И. Брежнева во Францию явился новой мощной демонстрацией миролюбия и конструктивности советского внешнеполитического курса.

— Весной нынешнего года мне довелось в составе делегации ФКП присутствовать на XXIV съезде КПСС в Москве,—сказал нам Жорж Лазарино, видный общественный деятель Франции, член ЦК ФКП, секретарь партийной федерации департамента Буш-дю-Рон.— Все мы, гости съезда, горячей и дружной овацией приветствовали советскую внешнеполитическую программу мира, провозглашенную в Отчетном докладе ЦК КПСС. Ныне мне вновь и вновь вспоминаются те исторические дни. Ведь недавний визит Л. И. Брежнева в нашу страну — это новое яркое свидетельство той принципиальности и последовательности, с которой СССР проводит в жизнь программу мира, сформулированную съездом. Программу, которую горячо поддерживают все, кому дорог мир на земле!

Диапазон советско-французского сотрудничества, которое, по образному выражению газеты «Насьон», развивается «с крейсерской скоростью», чрезвычайно широк. Оно охватывает самые различные сферы экономики, науки, техники, торговли. Совместные советско-французские исследования в области ядерной физики, обогащение в СССР природного урана для французских атомных электростанций, совместные эксперименты в космосе — на «Луноходе» и межпланетной станции «Марс-3», совместные работы советских и французских ученых в медицине, биологии, химии — вот далеко не полный перечень отраслей науки и техники, в которых наши страны действуют совместно, ускоряя тем самым технический прогресс. Быстрыми темпами развиваются и советско-французские культурные связи: достаточно сказать, что только за последний год советские артисты дали концерты и спектакли в 75 городах Франции.

Для того, чтобы ощутить размах советско-французского сотрудничества, ныне не обязательно изучать отчеты соответствующих министерств или брать интервью у руководителей экономических ведомств или деятелей культуры,— достаточно просто совершить прогулку по осеннему Парижу. Как и обычно в октябре, в столице Франции открыт международный автомобильный салон — там, среди других марок машин, можно видеть и весьма популярный во Франции «Москвич». Газеты сообщают о том, что в Сакле, близ Парижа, где расположен Национальный французский атомный центр, прибыла очередная группа советских ученых, а их французские коллеги, в свою очередь, вылетели в далекий Серпухов, где на территории Института физики высоких энергий Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР недавно смонтирована и приступила к работе созданная во Франции уникальная жидководородная пузырьковая камера «Мирабель».

Яркие афиши, расклеенные на круглых каменных тумбах, извеща-

ЦИЯ:
НОСТЬ, СОТРУДНИЧЕСТВО!

ют о том, что на выставке Пабло Пикассо, открытой в Лувре в связи с 90-летием прославленного мастера, демонстрируется 25 его полотен, специально доставленных в Париж из Ленинграда и Москвы. У театральных касс с утра толпится народ: в столице Франции только что начались гастроли ансамбля Игоря Моисеева, и билеты нарасхват. Переполнены кинотеатры «Мариньян» и «Арлекин», где в рамках очередной, шестой по счету, недели советского кинофильма демонстрируются семь новых картин из СССР...

Это сегодня. А уже завтра советско-французское деловое партнерство займет новые, еще более высокие рубежи. Свидетельство тому — подписанное во время визита Л. И. Брежнева в Париже межправительственное соглашение о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества между СССР и Францией, рассчитанное на десять лет.

...Более ста лет назад в Марселе побывал известный русский ученый, профессор Я. А. Линовский, специально направленный во Францию Московским университетом для изучения новинок французской агрономической науки. В своих «Путевых записках», опубликованных в «Московских ведомостях» в 1843 году, он рассказывает о том, как бродил на марсельских пристанях среди тысяч работников, выгружавших с судов мешки с зерном.

«Какая это пшеница?» — спрашивал я у нескольких групп работников.— Польская,— отвечали они мне беспрестанно; под этим названием известна в Марселе та пшеница, которая привозится во Францию из Одессы... Эта наша одесская пшеница ценится здесь гораздо выше греческой, испанской и из других южных провинций Европы».

Теперь советские суда, регулярно прибывающие в Марсель, выгружают здесь далеко не только пшеницу. Они доставляют станки и машины, сложные приборы и нефть, строительную технику, лес и многое другое. Объем советско-французской торговли только за последние пять лет увеличился более чем в 2,5 раза, а к 1974 году он должен возрасти еще вдвое. Характерные, убедительные цифры!

Серьезный и вдумчивый историк, который взял бы на себя труд проанализировать советско-французские отношения на протяжении полувека, без труда увидит, что главной, господствующей, определяющей тенденцией в этих отношениях всегда была тенденция к взаимопониманию, к взаимовыгодному сотрудничеству.

Опыт прошлого, коренные государственные интересы Франции, интересы обеспечения мира на европейском континенте — вот из чего исходили французские политики-реалисты, такие, как Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур, Луи Барту. Много лет назад, осенью 1933 года, СССР посетил известный французский общественный и государственный деятель Пьер Кот, занимавший в ту пору пост министра авиации Франции. Это был первый член французского правительства, официально побывавший в СССР.

Какой же вывод он сделал, познакомившись со Страной Советов, какой политический багаж привез на родину? Вот выдержка из одного его выступления в Москве: **«Я убежден, что, сотрудничая с СССР в области науки, техники и промышленности, развитие которых является главной заботой СССР, мы обеспечим взаимное понимание обоих народов и всеобщий мир».**

А вот еще одна памятная страница советско-французских отношений. Суровая зима 1942 года. Коричневая фашистская чума затопила Европу, фашистские полчища рвутся в глубь России. Но трезвые, дальновидные политические деятели уже видят, понимают, что попытка Гитлера уничтожить СССР обречена на провал, что поражение фашизма неизбежно. Среди таких деятелей был и генерал де Голль.

— В политическом отношении тот факт, что завтра Россия, несомненно, будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы,— говорил он в январе 1942 года.— К общему несчастью, слишком часто на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории.

И отнюдь не случайно французская общественность и пресса, комментируя итоги визита Л. И. Брежнева во Францию, часто обращают свои взоры к давнему и сравнительно недавнему историческому прошлому, подчеркивая преемственность тех глубоких традиционных уз симпатий и дружбы, которые связывают народы Франции и СССР.

Все те, кому довелось в эти октябрьские дни быть в Париже, запомнят, как тепло, сердечно приветствовали французские труженики Л. И. Брежнева на Елисейских полях, на площади у ратуши, где находится столичный муниципалитет, на улице Мари-Роз, перед музеем В. И. Ленина, на заводах «Рено» в небольшом городке Флен, близ Парижа, в Марселе — всюду, где был или хотя бы проезжал советский гость. Эти идущие от сердца приветствия невозможно запланировать никакой программой. Они, эти приветствия,— яркое свидетельство тех чувств глубокого уважения и дружбы, которые питают миллионы французских тружеников к первой в мире стране социализма, свидетельство исключительно высокого авторитета, которым пользуется за рубежом миролюбивый внешнеполитический курс СССР.

— Публичные выступления Л. И. Брежнева во Франции,— сказал нам ветеран французского рабочего движения, член Политбюро ФКП Жак Дюкло,— вызвали огромный отклик в самых широких слоях общественности нашей страны. Они помогли французам лучше увидеть и почувствовать величие Страны Советов, страны, которая 54 года назад открыла новую эру в истории человечества в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Положительные результаты переговоров Л. И. Брежнева с Президентом Ж. Помпиду и членами французского правительства с новой силой подчеркивают значение политики мирного сосуществования, политики мира и дружбы между народами, которую проводит Советский Союз и которая находит все больший отклик в сердцах миллионов людей.

— Хотел бы особо отметить,— продолжал Жак Дюкло,— что выступление Л. И. Брежнева по французскому телевидению останется в памяти французов как голос правды и искренности. Один простой француз, слушавший это выступление, говорил мне недавно, что не может быть, чтобы Советский Союз не желал мира и не стремился к нему самым искренним образом. Ведь для того, чтобы претворить в жизнь намеченные планы, необходим мир. Мир, который мы должны защищать вместе с Советским Союзом, вместе со всеми странами, вставшими на тот же путь! Что же касается меня лично, то как коммунист и как француз я обратился бы к товарищу Брежневу с такими словами: спасибо вам за результаты вашей поездки во Францию, за все, что вы сделали для дела мира, для дела коммунизма, для человечества!

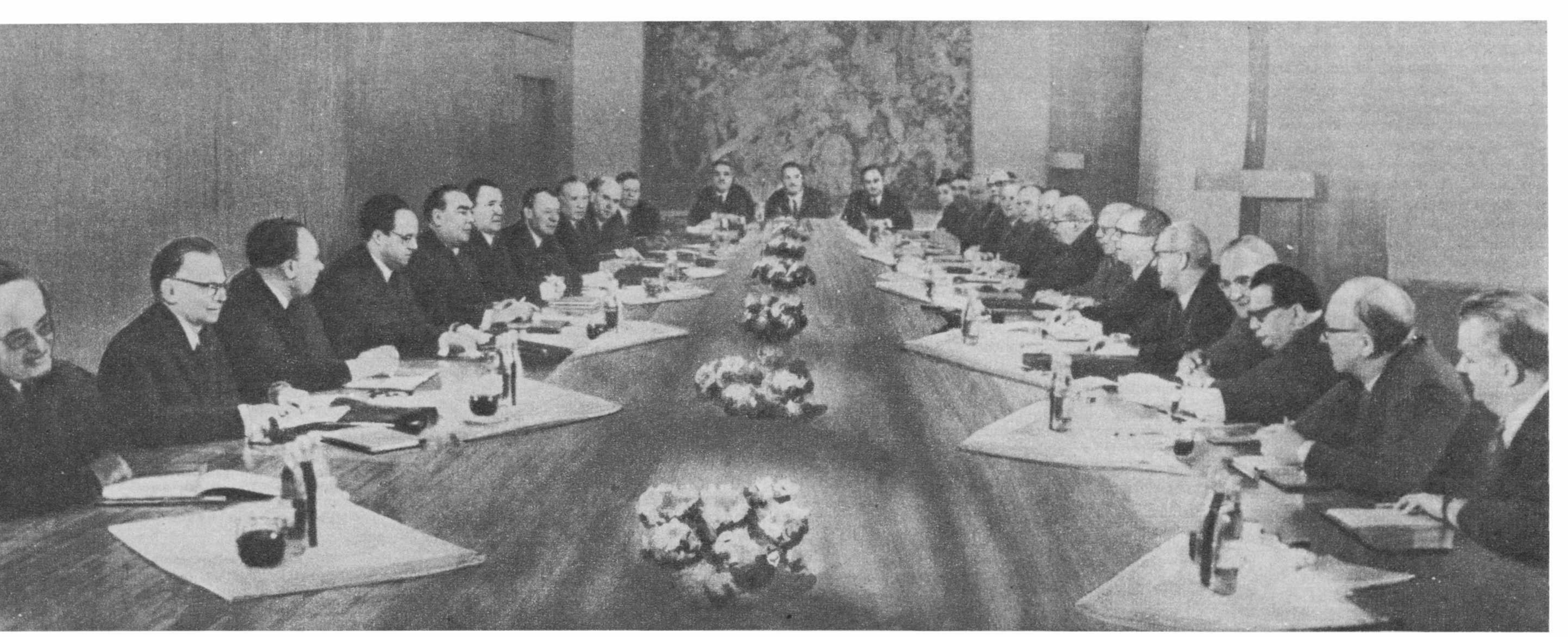
Встреча на заводе «Рено».

СССР и Франция уже много лет успешно сотрудничают в области метеорологии, ведут исследования, позволяющие точно предсказывать погоду. Это хорошо и важно. Но еще более важно, что обе страны объединяют свои усилия для того, чтобы совместно не только определить, но и улучшить политический климат на европейском континенте. Вопреки ядовитым туманам, которые еще удерживаются кое-где в Европе стараниями противников разрядки, вопреки холодным ветрам, все еще гуляющим кое-где на нашем древнем континенте, советско-французский политический барометр уверенно показывает на «ясно»!

Специально для «Огонька» по телетайпной связи ТАСС

Берлин. Встреча на аэродроме Шенефельд.

ГДР: БРАТСКИЙ СОЮЗ

Во время беседы Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарища Л. И. Брежнева и находившихся вместе с ним в ГДР советских официальных лиц с руководителями Социалистической единой партии Германии.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

По приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев с 30 октября по 1 ноября 1971 года находился с дружественным визитом в Германской Демократической Республике.

Во время пребывания в ГДР между Л. И. Брежневым и Первым секретарем ЦК СЕПГ Э. Хонеккером состоялись встречи и беседы.

В сердечной, товарищеской обстановке были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений между КПСС и СЕПГ, Советским Союзом и Германской Демократической Республикой, а также актуальные проблемы европейской и мировой политики.

«Переговоры еще раз показали,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— сколь полезен, сколь необходим наш братский союз, какую огромную роль играет наша дружба, сплоченность всего социалистического содружества в политической жизни современной Европы».

ГОРЯЧЕЕ ОДОБРЕНИЕ

Весь советский народ горячо одобряет плодотворные итоги визита Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева во Францию. В откликах на это событие советские люди единодушно выражают полную поддержку ленинской внешней политики нашей партии. Они считают, что визит во Францию будет содействовать созданию в Европе климата безопасности и сотрудничества, делу мира во всем мире.

Наш корреспондент обратился с просьбой прокомментировать этот визит к ассистенту кафедры хирургии Московского института усовершенствования врачей В. И. МАТВЕЕВУ.

— Я никогда не был во Франции,— говорит он,— но мне довелось сотрудничать с французскими врачами в Камбодже.— Часто после сложных хирургических операций, которые мы делали камбоджийцам и вьетнамцам, у нас происходил обмен мнений. И, конечно, тема наших бесед не ограничивалась медицинскими рамками. Мы видели агрессию, спасали жизни ее жертвам. Наше сотрудничество было только ручейком. Сейчас оно вылилось в могучий поток в результате визита Леонида Ильича во Францию. Мы, врачи, представители самой миролюбивой, самой гуманной профессии, считаем, что утверждение мирного сосуществования на земле — это путь к миру и дружбе народов. Именно этой цели служил визит товарища Л. И. Брежнева во Францию.

Вот что сказал нашему корреспонденту ленинградский художник В. В. ПИМЕНОВ.

— После войны мне приходилось бывать во многих странах мира. В беседах с представителями зарубежной интеллигенции мы не раз высказывали единодушное мнение, что путь к всеобщему миру лежит через контакты, взаимопонимание, сотрудничество и дружбу народов. Именно этим целям служит визит во Францию товарища Л. И. Брежнева. Как сердечно, как радушно принимал его французский народ! Это наполняет меня чувством благодарности к нашей партии, ее мудрой ленинской внешней политике. Мы, ленинградцы, знаем цену миру и войне и поэтому единодушны в горячем одобрении итогов визита во Францию.

Слесарь, ветеран труда Московского тормозного завода А. Б. КУЗНЕЦОВ заявил нашему корреспонденту:

— Я глубоко убежден, что визит Леонида Ильича Брежнева во Францию стал большим событием для трудящихся всего мира и в первую очередь для нас, советских людей. Все эти дни, например, на нашем заводе только и было разговоров, что об этой поездке, мы делились впечатлениями о телевизионных передачах из Франции, о газетных сообщениях. Огромное впечатление произвело на нас то тепло, с которым трудовая Франция встречала представителя советского народа.

Вот передо мной лежат газеты последних дней. Леонид Ильич у рабочих завода «Рено», где его встречают аплодисментами... Леонид Ильич возлагает венок к могиле Неизвестного солдата, приветствует ветеранов войны и ветеранов полка «Нормандия — Неман»... Каждый день визита Генерального секретаря ЦК КПСС во Францию стал новым этапом в укреплении наших дружественных связей с этой страной, в сближении двух великих трудовых держав — СССР и Франции.

КУБА: ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии и Революционного правительства Республики Куба с 26 по 30 октября этого года на Кубе с дружественным визитом находился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, которому был оказан братский и сердечный прием со стороны руководителей и народа Республики.

Во время пребывания на Кубе А. Н. Косыгин и сопровождавшие его лица посетили ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений, они имели сердечные встречи с представителями различных кругов кубинского народа.

Состоялись дружеские беседы А. Н. Косыгина с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы и Премьер-Министром Революционного правительства Фиделем Кастро, вторым секретарем ЦК и министром вооруженных сил Раулем Кастро, членом Политбюро и Президентом Республики Куба Освальдо Дортикосом и другими членами правительства.

В ходе советско-кубинских переговоров, проходивших во Дворце революции, были детально обсуждены практические вопросы состояния и дальнейшего развития советско-кубинского сотрудничества в различных областях.

В заключение пребывания главы Советского правительства было принято совместное советско-кубинское коммюнике, в котором обе стороны выразили глубокое удовлетворение активным и плодотворным всесторонним сотрудничеством между Советским Союзом и Республикой Куба.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин от имени Политбюро Центрального Комитета КПСС и Советского правительства подтвердил приглашение Первому секретарю ЦК Компартии Кубы и Премьер-Министру Революционного правительства Кубы Фиделю Кастро посетить Советский Союз. Это приглашение было принято с благодарностью.

На снимке: Гавана, 28 октября во Дворце революции на советско-кубинских переговорах.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

Четыре года назад был учрежден орден Октябрьской Революции. Сегодня его можно увидеть на знаменах фабрик и заводов, колхозов и совхозов, на груди рабочих и крестьян, ученых и военачальников. Высокая награда свидетельствует о трудовой доблести, о беззаветной верности революции, коммунистическим идеалам, партии Ленина.

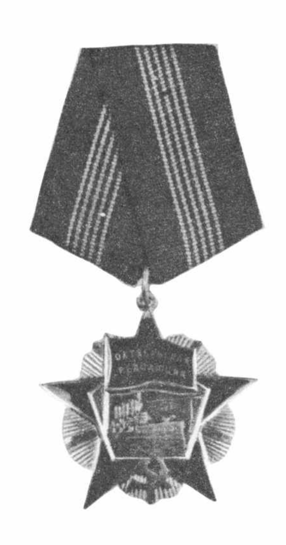
Сегодня, в 54-ю годовщину Великого Октября, мы рассказываем о кавалерах ордена Октябрьской Революции — о городе Ленина,— ему был вручен орден № 1,– о московском заводе «Красный пролетарий», Маршале Советского Союза А. М. Василевском, капитане дальнего плавания из Владивостока Г. К. Сорочанове, киргизском колхозе «Джаны-Талап».

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

На Невском проспекте.

СЧАСТЛИВ, ЧТО

ПАРАД НАЧИНАЕТСЯ С «АВРОРЫ»

Нет в стране человека, который не знал бы легендарного крейсера. Силуэт «Авроры» видишь на почтовых марках, картинах известных художников, на обложках книг и журналов. Силуэт корабля и на ордене Октябрьской Революции. И сам корабль удостоен этой высокой награды.

Но прежде чем «Аврора» стала легендарным кораблем революции, она успела прославиться в боях. На воду крейсер спущен 11 мая 1900 года. Название получил, как эстафету, от героического фрегата, прославившегося при обороне Петропавловска-на-Камчатке в Крымской войне.

Большим испытанием для «Авроры» было Цусимское сражение. Крейсер оказался одним из немногих кораблей, не потерявших боеспособности и не доставшихся врагу.

Были в русском флоте корабли и покрупнее и мощнее «Авроры», были экипажи, на которые могла положиться революция, но так уж случилось, что приказ произвести залп, возвещающий о начале штурма Зимнего дворца, получил комиссар «Авроры» А. В. Белышев...

С тех пор прошло 54 года. Много было за это время выстрелов и залпов. И все же с тем, авроровским, не может сравниться гром всех пушек планеты. До сих пор звенят от него стекла дворцов, до сих пор поднимаются в «последний, решительный» истинные хозяева заводов и пашен. Такова удивительная сила этого созидательного выстрела — выстрела авроровской шестидюймовки.

У крейсера было много работы и после Октября семнадцатого. В 1923 году он стал учебно-боевым судном. Тысячи курсантов плавали на крейсере, изучая основы морского дела. Были в их числе адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков, адмирал флота В. А. Касатонов, адмиралы Ф. С. Октябрьский, А. Г. Головко... Во время Великой Отечественной пушки «Авроры» громили врага под Ленинградом в районе Вороньей горы.

Осенью 1948 года корабль отремонтировали и поставили на вечную стоянку у Петроградской набережной Большой Невки. Но он по-прежнему на плаву.

— Сейчас в нашей команде около ста человек,— рассказывает командир «Авроры» капитан 2-го ранга Ю. И. Федоров.— У нас есть боцманы и комендоры, котельные и трюмные машинисты, электрики и радисты... Каждое утро — построение, подъем флага, а потом обычные учения. Особое внимание обращаем на живучесть и непотопляемость, тщательно следим за состоянием корпуса. Кроме того, почти все матросы с успехом выполняют обязанности экскурсоводов: наша «Аврора» — корабль-музей. Ежедневно на борт поднимается множество людей, и каждому хочется побольше узнать о боевой, революционной истории крейсера. Служить на «Авроре» — большая честь. «Матрос с «Авроры» — это во все времена звучало гордо и ответственно. Так и поныне. Тем более что авроровцев видно издалека: у всех матросов Советского Союза на ленточке бескозырки написано название флота, и только у матросов нашего крейсера — имя корабля...

Во время парадов, когда в Неву входят ракетные корабли и грозные подводные лодки, когда выстраиваются на палубах команды, появляется катер адмирала, принимающего парад. Адмирал приветствует современные боевые корабли и при этом обязательно поднимается на борт «Авроры».

Кузнец «Севкабеля» В. А. Нефедов.

Я ЛЕНИНГРАДЕЦ...

РАБОТА У МЕНЯ ОГНЕННАЯ

— Бывают же совпадения: по возрасту я ровесник Октября, воевал на линкоре «Октябрьская революция», а теперь награжден орденом Октябрьской Революции! — говорит кузнец завода «Севкабель» В. А. Нефедов.— Почему стал кузнецом? Вопрос резонный. Тем более что на линкоре был машинистом, а корабельному машинисту и на берегу цены нет. Думаю, что в кузню меня привела детская мечта. Родом я из-под Калуги, а кузнец тогда в деревне был самым почитаемым человеком. Ну, а нашего кузнеца я боготворил и целыми днями пропадал в кузне. Видно, запал в душу запах окалины да жаркий огонь горна. Вот и пришел я после демобилизации на «Севкабель» и попросился в кузнецы.

Кабеля наш завод дает много, а его надо все больше и больше, без электричества сейчас ни шагу. Везде, где ток высокого напряжения,— наш кабель. Нельзя и честь марки терять — ведь мы, можно сказать, стояли у истоков советской энергетики: наш кабель и на Каширской и на Волховской электростанциях. Делали специальные кабели для Волгоградской, Братской ГЭС. А во время войны электричество в блокадный Ленинград подавалось по нашему кабелю, что лежал на дне Ладожского озера.

Сейчас мы научились плести кабели, которые могут заменять линии высокого напряжения. А морские кабели, телевизионные, телефонные, подводные! И все это делают на нашем заводе. Есть в этом частица и моего труда. Веселая моя работа, огненная!

ЗАВОД ИСКУССТВЕННЫХ СЕРДЕЦ

Приходилось ли вам держать в руках сердце? Когда такой же вопрос задали мне, я счел это неуместной шуткой. Тут же последовал другой вопрос: есть ли у меня разряд по штанге? Я утвердительно кивнул, и тогда мне предложили... взять сердце в руки. Разговор этот происходил в одном из цехов «Красногвардейца» — объединения, выпускающего медицинское оборудование. Речь шла об искусственном сердце, и действительно, вряд ли кому под силу поднять эту груду ящиков, набитых электронной аппаратурой, насосов и других мудреных приборов. Аппарат искусственного кровообращения выполняет функции временные: его включают тогда, когда хирурги «ремонтируют» настоящее человеческое сердце.

Здесь же можно увидеть «искусственную почку» и «советские спутники в области хирургии» — аппараты для сшивания сосудов. Я уж не говорю о наборах хирургических инструментов, электрокардиографах, наркозных аппаратах, приборах для биохимических исследований и многом, многом другом — «Красногвардеец» выпускает свыше 400 наименований медицинских изделий, без которых не может обойтись ныне ни одна больница.

Сейчас «Красногвардеец» — крупнейшее предприятие страны, производящее медицинское оборудование, а 250 лет назад это была «мастеровая изба для изготовления лекарских инструментов», основанная по указу Петра I. Усилиями потомственных русских мастеров и медиков, которыми одно время руководил профессор хирургии Н. И. Пирогов, «изба» превратилась в завод, соперничать с которым могли далеко не все зарубежные фирмы. Свидетельство тому — многочисленные медали и дипломы, завоеванные на всевозможных выставках, ярмарках и конгрессах.

Да и сейчас на «Красногвардейце» работают мастера, имена которых знают многие медики. Сто пятьдесят лет назад пришел на завод «казенный ученик» Ларион Григорьев. Потом здесь работал его сын, внук, а теперь и правнук Семен Николаевич Григорьев.

Таких рабочих династий на заводе немало. Труд мастеров старшего поколения страна отметила двадцать пять лет назад, наградив завод орденом Ленина. Труд их сыновей и дочерей отмечен орденом Октябрьской Революции.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С «НУЛЯ»

Владимира Ивановича Соколовского найти было не просто. По телефону он сказал:

— Доедете до площади Александра Невского. Выйдете из метро и тут же упретесь в забор. Мы за этим забором.

За забор я проник. Но дальше не мог сделать ни шагу: всю территорию стройки занимал огромный котлован. Частокол свай. Паутина арматуры. Экскаваторы, самосвалы, краны...

Пришлось спускаться на дно котлована. Народу совсем немного, но работа идет споро. И хотя укладка бетона не такое уж весе-

лое дело, слышны шутки и смех. А вот и бригадир Соколовский — невысокий, энергичный крепыш. Ни минуты не стоит без дела: то командует краном, то принимает бетон, то берется за лопату, то что-то размечает, то кого-то вышучивает. На вид совсем молодой парень, но я-то знаю, что только на стройках он работает больше двадцати лет, а до этого служил на флоте.

Наконец Соколовский меня заметил.

— Скоро обед, тогда и потолкуем, хорошо? А пока займусь дренажной трубой. Эхе-хе, землица ленинградская! Чуть копнешь — и черпай воду. Весь город, можно сказать, на плаву. Но мы ему такие «ноги» делаем, что они упираются в самую что ни на есть земную твердь. Знаете, что строители называют нулевым циклом? Как раз этим и занимается наша бригада. Не такое уж хитрое дело. Но только не в Ленинграде. В любом другом городе фундамент как фундамент, а у нас, можно сказать, деликатная стройка. Чуть что не так — здание скособочится.

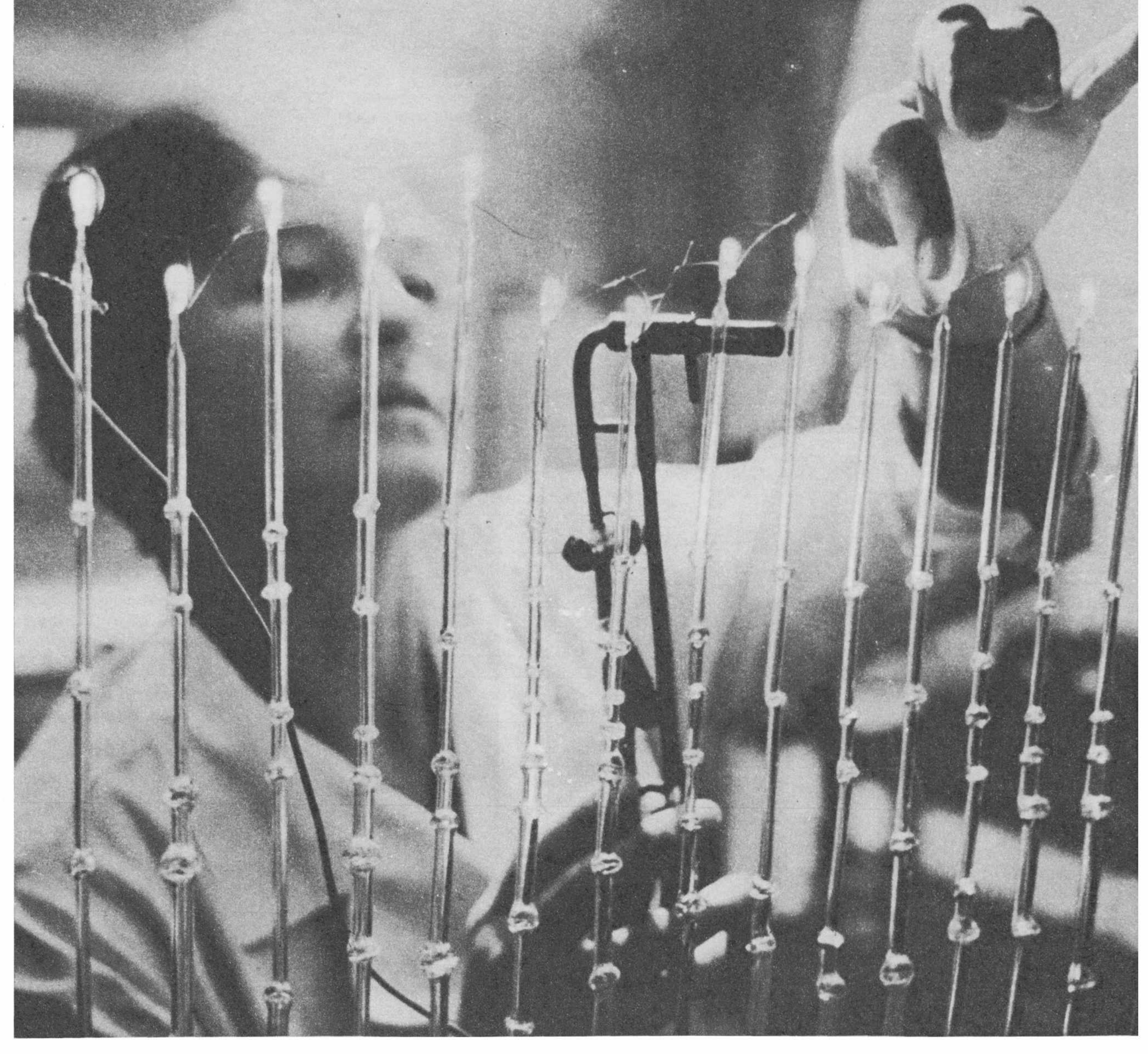
— Сейчас вы строите гостиницу «Невскую». Какая это у вас по счету — первая?

— Что вы?! «Советскую» тоже мы строили. Да что говорить, нет в Ленинграде района, где бы не работала наша бригада. А плавательный бассейн, Дом быта, фабрика мороженого — все это стоит на наших «ногах». Видите, как получается: в жизни нуль — ничто, а у строителей с «нуля» все начинается и на нем все держится...

НАШЕ ДЕЛО — ОДЕЖДА

С Валентиной Федоровной Александровой я встретился в Ленинградском Доме мод. Разыскал ее в переполненном демонстрационном зале. На площадку выходили девушки в сарафанах, брюках, халатах, комбинезонах. Потом появились вечерние платья и брючные костюмы.

Демонстрация есть демонстрация — посмотрели, повздыхали и разошлись. Но нет! Ведущий объявил, что в вестибюле можно купить выкройку любой модели и здесь же, в Доме мод, заказать понравившееся платье или костюм. А авторы моделей тут, в зале, так что не стесняйтесь, высказывайте свои замечания и пожелания. Если же захотите, можете посоветоваться с художниками-консультантами или старшей закройщицей Вален-

Р. П. Пурвина — одна из лучших работниц «Красногвардейца».

На сцене Дворца культуры имени Ленсовета — ансамбль эстрадного танца.

Крейсер «Аврора» на вечной стоянке...

Они трудятся в Ленинградском порту.

тиной Федоровной Александровой.

— Нам важно,— решительно заявила Валентина Федоровна, когда я отметил необычный характер показа новых мод,— чтобы новая мода тут же шла к людям, и речь идет не столько о новом фасоне платья, сколько о новом стиле одежды. Именно поэтому мы показываем все — от домашнего халата и рабочего комбинезона до вечернего платья и концертного костюма. Наше дело — одежда. И я уверена, что стиль одежды помогает формировать стиль человека.

ШТОРМОВАТЬ ДАЛЕКО В МОРЕ...

Карта огромная, во всю стену кабинета. Материки и острова скупо обведены контурными линиями, зато моря и океаны любовно раскрашены во все оттенки синего цвета. И все же главное в этой карте не размеры, не окраска, а бесчисленные модели корабликов, разбросанные по всему голубовато-синему полю.

— В нашем пароходстве 170 судов,— рассказывает хозяин кабинета А. Л. Васильев — начальник Балтийского морского пароходства.— Нет моря или океана, где бы они не плавали. Но главная наша забота — обеспечение бесперебойной связи с портами Кубы, Северной и Южной Америки. Посмотрите на карту: больше всего судов в Атлантике. Есть, правда, они и в районе Австралии, Африки, Новой Зеландии, Японии. Крупные караваны движутся Северным морским путем в Дудинку, Игарку и Певек. Что возим? Практически все — от детских игрушек до целых заводов. Недавно, например, доставили на Кубу завод азотнотуковых удобрений. Потом это же судно зашло в Гамбург и захватило трубы для советского газопровода.

— А пассажирские суда в пароходстве есть?

— Существуют пассажирские линии, самая длинная из которых Ленинград — Монреаль. На ней работает флагман нашего флота теплоход «Александр Пушкин». Но основная масса судов занята доставкой грузов. Сейчас мы, кстати, внедряем смешанный контейнерный способ перевозок. Суть его вот в чем. После закрытия Суэцкого канала путь, скажем, из Лондона в Токио стал занимать 45 суток. А мы делаем так: в Японии грузы упаковывают в огромные контейнеры и морем их доставляют в Находку. Оттуда до Ленинграда везут по железной дороге и снова перегружают на специальные суда — контейнеровозы. А до Лондона от нас рукой подать. Выигрыш во времени — 20 суток.

— Но ведь зимой Балтика замерзает...

— Замерзает, только не везде. Но нас это не волнует: мы имеем свои ледоколы и спасательные буксиры. Они постоянно дежурят в проливах, заливах, на мелководье. Короче говоря, своевременность доставки грузов мы гарантируем. Решающую роль в этом играет искусство матросов и капитанов. Но где бы ни плавали наши моряки, в какие бы порты ни заходили, они всегда помнят, какая страна, какой город и какое пароходство они представляют.

ДВОРЕЦ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ

Есть на Петроградской стороне здание, которое знакомо каждому ленинградцу. Допустим, вам удалось вырастить кактус с необыкновенно острыми колючками. Конечно же, хочется представить свой труд на суд специалиста. Заворачивайте кактус в вату и шагайте на Петроградскую! Здесь вас примут с распростертыми объятиями, запишут в клуб цветоводов и дадут массу советов, как сделать колючки еще острее.

А если вы разводите меченосцев, выращиваете на подоконнике лимоны, любите петь, плясать, нырять на дно морское, лазить по горам, водить экскурсии и просто спорить на самые разнообразные темы — опять прямая дорога на Петроградскую, во Дворец культуры имени Ленсовета. Чем бы вы ни увлекались, в одиночестве не останетесь: здесь ежедневно бывает около 12 тысяч человек. Места хватает всем — дворец не просто велик, он еще и разумно спланирован. Во всех отношениях — и помещения и работа. Очень много для этого сделал Николай Васильевич Чмутин. Свыше десяти лет он здесь директором.

— Я считаю так,— энергично говорил Николай Васильевич, взъерошивая седой ежик волос,— в клуб идут только тогда, когда там лучше, чем дома. А дома сейчас и уютно, и тепло, и телевизор можно посмотреть, и приемник послушать... Значит, мы должны дать людям то, чего нет дома. Нельзя забывать и о потребности общения с коллегами по увлечению. Именно поэтому у нас 140 кружков, 74 коллектива художественной самодеятельности, 34 лектория, 18 любительских клубов, 9 факультетов народного университета. Но Дворец культуры не просто уютный дом, где можно интересно провести свободное время. Мы не должны забывать и о воспитательной работе. «Вечера-портреты», на которых можно услышать рассказ о лучших людях города, встречи с молодыми учеными под девизом «Обыкновенное чудо», тематические вечера «Золотые руки Петроградской», «Наша марка», «Марш энтузиастов» — все эти вечера пользуются большой популярностью у молодежи. Одним словом, Дворец не пустует: утром приходят дети, днем — пенсионеры, вечером — рабочие и студенты. И все находят у нас занятие по душе...

* * *

Вот мы и побывали в предпраздничном Ленинграде и познакомились с предприятиями и тружениками, кавалерами ордена Октябрьской Революции. И хотя многие из них были награждены совсем недавно, их труд неразрывно связан с прошлой, нынешней и будущей славой города-героя, отмеченного высокой наградой Родины.

Старшая закройщица Дома мод В. Ф. Александрова.

3500 МЕЛОЧЕЙ

Министр местной промышленности ЭССР ВЛАДИМИР КЯО назвал эту цифру и добавил:

— Кажется, много? Но на самом деле это лишь небольшая часть вещей, нужных человеку.

Выполняя задания новой пятилетки, наше министерство стремится не только увеличить количество разных мелочей, но и улучшить их качество.

— Перечислить все 3 500 мелочей, конечно, невозможно, пожалуйста, назовите основные группы товаров, выпускаемых местной промышленностью Эстонии.

— Лучше показать, чем рассказать.

И мы перешли в зал, где представлены изделия, о которых идет речь. Эмалированные кофейники и чайники — белые, красные и синие, с черными крышками и ручками; в прошлом году тартуский цех объединения «Вазар» выпустил 27 тысяч таких кофейников и чайников, в нынешнем будет сделано 67 тысяч, а на будущий год запланировано 77 тысяч. Рядом с чайниками хорошие дверные замки, различный металлический огородный инвентарь, мотоциклетные, хоккейные, строительные и прочие защитные шлемы, яркие и удобные детские ванночки, игрушки, кухонная утварь. Тут же рюмки, бокалы, вазы стекольного завода «Тарбеклаас», резиновые игрушки «Тегура», парфюмерия, свечи и более ста предметов бытовой химии объединения «Флора»...

Н. СЕРГЕЕВА

КРАСНОДАРСКИЙ «КУРЕНЬ»

Ресторан этот расположен неподалеку от Краснодара, в месте очень красивом. Он построен по индивидуальному проекту и представляет собой комплекс оригинальных сооружений. Наряду с современными архитектурными решениями здесь удачно использован местный пейзаж, народный колорит, облик казацких хуторов, включая и плетень, которым огорожена территория торгового комплекса ресторана «Курень».

В комплекс входят здание ресторана с обеденным залом на 150 мест, банкетный зал с закрытым двором-розарием. Стеклянный витраж отделяет зимний зал ресторана от летней террасы, на которой тоже могут сразу сесть за стол сто гостей. Есть тут и кафе-шашлычная с летним залом, и винный бар, и восемнадцать шалашей, которые могут одновременно принять более ста человек. Две казацкие вышки — это еще 22 места.

Все здания сооружены тут с применением бутового камня, дерева, камыша и расположены среди ореховой и сосновой рощи. В общий ансамбль хорошо вписывается подвесной канатный мост через речку.

В оформлении «Куреня» широко использованы стилизованные светильники — фонари, люстры, цветное стекло на сводчатых окнах, вышитые льняные салфетки на столешницах, фирменная керамическая посуда.

Очень приятно, что в ресторане «Курень» возрождены традиции кубанского хлебосольства, что все здесь отличается самобытностью — и обслуживание, и кухня, и костюмы официантов. И еще одно хорошее новшество: для четкой связи между гостями, обедающими в шалашах, на вышках, и официантами предусмотрена электрическая сигнализация. Заказ передается запиской, бегущей по транспортеру, состоящему из плетеных корзин. А при желании можно здесь и самому приготовить уху, шашлык, печеный и отварной картофель,— очаг в вашем распоряжении.

Ф. РЕЗНИКОВ

Павел ЕЛФИМОВ,
мастер завода «Фрезер»

* * *

Те дни остались в поле жарком,
Но в памяти освещены
Неумолимым пеклом жатвы
И в каравай обращены.
Не божий дар он
и не милость,
Мой хлеб,
помноженный на соль:
На бронзе тел
она зернилась,
Страда — огонь.
И краткий сон.
Вставали в рань, когда в намеке,
В зачатии
росток
Луча —
И, словно солнца сноп высокий,
Жизнь озарялась,
Горяча.

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

Время
меня израсходует...
Что ж!
Из годов состою,
Двадцать лет
Отдал заводу я,
Семь
Шел в солдатском строю.

А мне, что же мне остается,
Мне лично?
Ну, время, скажи!
А время в ответ мне смеется:
— Лукав ты!
Ведь мною
Ты жив!

Москва.

Евгений ПЕТРОВ

ВЫХОДИЛИ

Январь принес морозы. Густыми узорами заплыли двойные рамы в окнах, припудрились инеем дверные косяки. Над крышами домов с утра до вечера поднимались стрелы сизых дымков, уносящих в бездонное небо домашнее тепло.

С той минуты, как телеграф принес недобрую весть о том, что здоровье Ильича ухудшилось, в доме установилась какая-то гнетущая тишина. Отец, не отличавшийся разговорчивостью, будто онемел. Притихла вся семья.

В темный, звенящий от стужи вечер тревожно заголосил гудок паровозного депо. А на следующее утро над крылечками домов железнодорожного поселка повисли красные с трауром флаги. Горе словно носилось в воздухе. Суровые, с каменными лицами, отец и старшие братья спозаранку уходили к станкам, работали с остервенением не одну смену, будто мстили невидимому врагу, отнявшему у них самое дорогое.

Мне, самому младшему в семье, в эти дни было горше всех — слонялся из угла в угол, не зная, куда убить время. Сестренка Кланя, выполняя домашнее задание, раскрыла книгу. С обложки учебника смотрел на нас человек с добрым взглядом. Его проницательные глаза следили за нами. Он даже на бумажном листочке был живым, словно говорил нам: «Учитесь, дети, учитесь, впереди у вас много, много дел».

В тот год я пошел в школу. Не помню, какими словами начала первый урок наша учительница Александра Николаевна. Только в ее обращении к нам было что-то теплое, семейное. Эта старая женщина показалась нам доброй и нежной, такой же нужной в жизни, как мама.

Лицо у Александры Николаевны в морщинах, под глазами мешочки. Она вывела в люди многих парней и девчат. В каждой рабочей семье есть ее бывшие ученики и ученицы.

Теперь сели за парты и набираются ума ровесники Октября. Учительница ободряет нас лаской, добрым словом:

— Молодцы! Вот и научились уже писать, читать, хотя и по складам. Растите ленинцами. Было время, когда таким же девочкам и мальчикам не приходилось сполна познать школьные радости. Многие ваши мамы до сих пор не умеют писать.

Слова учительницы вызывали раздумья: это же действительно несправедливо, что матери в рабочих семьях неграмотные.

Однажды вечером, выждав момент, когда мама перемыла посуду, прибралась, села на минутку отдохнуть, сложив руки под фартуком, я сказал:

— Мам, наша учительница Александра Николаевна говорила про ликбез... Может быть, мы с тобой попробуем позаниматься.

— Еще чего выдумал! Зачем мне учеба на старости лет?

— Совсем ты не старая. Наоборот, красивая, лучше всех.

— Пробовали, сынок, заниматься со мной и Надя, и Леша, и Кланя. Да ничего из этой затеи не получилось. Видно, я бестолковая.

— Зачем же так, мама. Умная ты, горазда на все. Давай попробуем. Моя попытка не будет для тебя пыткой.

Мама неловко зажала карандаш между пальцами. Я обхватил их и помогал выводить слово. Оно получилось у нее жесткое, корявое, такое же, как и пальцы с суставами, изувеченными ревматизмом.

— Говорила же я тебе, что ничего не получится,— с досадой сказала мать и отложила в сторону листочек.

— Я виноват, а не ты, мама. Плохой пока из меня учитель. Разве кто начинает писать на белом листочке? Завтра попробуем на другом — в косую клеточку.

Но скоро мама стала выводить свою фамилию не по-ученически, а по-своему. Буквы были не чьи-нибудь, а только ее, мамины. Потом она не только наедине со мной, а на людях уверенно, без стеснения выводила семь знаков своей фамилии. Писала карандашом и ручкой. В глазах ее светилась радость: можно отказаться теперь от крестиков. Добился все же своего самый малый, самый настырный.

Незаметно пристрастилась мама к чтению. Шепотом произносила она отдельные буквы, слога, робко выговаривала слова, потом целую фразу. Как-то в свежей газете она прочитала: «Ленин говорит, что главное сейчас — «учиться торговать».

— Просто сказано, сынок, но непонятно.

Объяснить толком, что к чему, я тоже не мог.

На нашей станции повырастали, как поганки, лавочки, ларечки. В магазинах купцов полно разной снеди и товаров. Текут слюнки от запаха колбас, печеных окороков. Ломятся полки от ситца и сукон, обуви, галантереи. Соблазны на каждом шагу: лоточник с петушками-леденцами, тележка с мороженым, тетка с корзиной, в которой дымятся розовые, пропитанные маслом пирожки.

А денег в семье нет. Папиной получки хватало лишь для оплаты долгов, для погашения кредита в частной лавочке. В то трудное для семьи время вернулся из армии старший брат Василий. Смуглый, черноглазый, с белыми, как надкусанная репа, зубами. Работящий он у нас, заботливый. А приложить силы не к чему. Немногому было сидеть на шее у отца, хотя тот и не собирался его чем-то попрекнуть.

Однажды, вернувшись с собрания, на котором решался вопрос о создании кооператива, он заявил отцу:

— Пойду работать в кооператив. Я еще в коммерческом училище кое-какую счетную науку прошел...

Отец неодобрительно поморщился, покачал головой:

— Подожди немного, не торопись. Может, в депо работа найдется. Все же мы рабочая косточка.

Вася с жаром, которого никто от этого замкнутого парня не ожидал, стал доказывать отцу, как важно развивать государственную торговлю, чтобы помериться силами с нэпманами, а потом бить их в хвост и в гриву.

— Ленина, Ленина ты, отец, читал?— спрашивал Вася.

Он на память цитировал выдержки из последних ленинских работ насчет соревнования с простым приказчиком, с простым капиталистом и купцом. Настойчиво, горячо доказывал Вася свое желание идти в торговлю. После раздумья отец махнул рукой:

— Ладно, сынок, вольному воля...

В кооперативе денег не выдавали. Вместо заработной платы можно было получить натурой. Вася приходил домой то с большим кульком медовых пряников, то с обвешанным вокруг шеи кольцом баранок или бубликов.

«Не так уж плохо,— думал я про себя.— Братишкины гостинцы, пожалуй, получше денег. Мама ни за что не купила бы таких вкусных вещей. А тут что ни день — лакомство. Ешь, обливайся пóтом за вечерним чаепитием. Вот какое настало житье!»

Дела в Няндоме и впрямь пошли в гору. Наша семья, как и многие рабочие семьи в поселке, ощущала наяву, как налаживается жизнь. Станционные ребята оканчивали школу ФЗУ, получали раз в неделю получку, с гордостью вручали деньги матерям.

Вслед за старшими братьями Васей и Митей вылетел из родительского гнезда средний брат Алексей. Он стал самостоятельным человеком — помощником машиниста. Это было событием величайшей важности, если учесть, что в прежние времена, по словам отца, нужно было два горба нажить, не одни штаны протереть, чтобы выдвинуться на мало-мальскую должность. А тут на тебе — учился на всем готовом и получай диплом! Вся семья по этому случаю была в сборе. Отец долго рылся в комоде и наконец извлек из ящика бережно завернутые в тряпицу часы, торжественно вручив их моему брату.

— Вот,— сказал он охрипшим от волнения голосом,— не для красы дарю. Будешь машинистом — заведешь свои, а это вроде эстафеты...

Часы — выше всякой награды. Это знает каждый на нашей станции. Когда-то по этим часам фирмы «Павел Буре» работали железные дороги России. Большие часы с циферблатом, покрытым белой эмалью, с черными римскими цифрами, висели на вокзале каждой станции. Часы остались у отца на память о многолетней работе в качестве машиниста. Носил он их только по праздникам. В такие дни плоская луковица на серебряной цепочке занимала место в кармане жилета. Редко, да и то только в руках отца, удавалось послушать пульс механизма, посмотреть, как отсчитывает секунды маленькая стрелочка. Иногда, ублажая детскую прихоть, отец открывал крышку часов и позволял разглядывать гравировку: «Павел Буре — поставщик Двора его Величества».

В одно воскресное утро отец принарядился. Я слышал, что они с матерью о чем-то шептались. Но секрет не шило, в мешок не упрячешь. Оказывается, Леша собирается жениться и сегодня днем будут смотрины.

Леша красный, будто после парной, суетился, расставлял стулья, бегал то и дело на кухню, обращаясь к Мише и к Клаве, говорил:

— Вы-то во время процедуры дома не торчите. Глаз не пяльте. Без вас тошно.

Невеста оказалась не из местных. Это все сразу поняли. У наших девчат косы, а эта — стриженная под челочку. Лешу и невесту поса-

ПАРНИ В ЛЮДИ

дили в передний угол. Молодые не оторвут глаз от тарелок. У них вроде язык отнялся. Мать и отец никак не найдут ниточку для разговора. Меня тоже усадили за стол. Только лучше бы не иметь этой чести. Сиди и пылай от редких взглядов невестки.

Напряжение после нескольких рюмок наливки прошло. Невеста повела себя так, будто жила в нашем доме и всех нас хорошо знает. Сунула сестренке Тамарке подарок. Мне разлохматила чуб, чмокнула в щеку и отрезала: «Стричься надо, зарос, как медведь».

Мать, наблюдавшая за невесткой, вдруг просветлела. Фаина — так звали невесту — фельдшерица, почти врач, ученый человек. Таких в нашей семье еще не было. Когда обед был закончен и Леша собрался провожать Фаину, мать, смахнув слезу, предложила:

— Может, у нас жить останетесь? Ведь сварить, постирать и потом... другие заботы пойдут. В тесноте — не в обиде.

Но Леша, откуда взялась смелость, ответил басовито:

— Ты для нас самая дорогая... Но зачем теснота... Не те времена. Мне от депо квартиру дают.

Кажется, мы в тот момент очень осязаемо ощутили, что пришли иные времена. Новое входило в наш быт невероятными по старым временам приметами.

В руках моего школьного друга Славы Моргунова увидел книги Джека Лондона, Диккенса. Я смотрел на них и не мог понять, откуда у него такое богатство. Оказывается, из библиотеки, которая открылась в новом клубе, что рядом с нашей школой. Там запросто дают читать, только не зачитывай, возвращай вовремя.

— И мне дадут? — спросил я Славку, затаив дыхание.

Он рассмеялся. Я дневал и ночевал в библиотеке, все казалось: возьму книгу, а вот-вот принесут еще более интересную, и я прозеваю.

— Да хватит на твой век,— укоряла меня библиотекарша, седая старушка в золотых очках, и поглядывала на нас с каким-то удивлением и недоверчивостью: может быть, в диковинку было, что мы, недавние голоштанные, так пристрастились к чтению.

Передо мной открывался неведомый мир, словно бы раздвинулись границы, и земля, огромная, таинственная, стала ближе, родней. Ее заселяли разные народы, и жили они поразному, но в правдивой книге всегда угадывалось главное для меня — везде жизнь в чемто схожа, везде одни живут хорошо, другие лаптем щи хлебают. И оттого, что у нас теперь не так, на душе становилось тепло и горделиво.

Однажды утром за окном школы вдруг выросли две мачты. И между ними повис провод, который называли певучим именем «антенна». А на веранде клуба был установлен крохотный детекторный приемник. По вечерам вокруг него толпились люди, и мы, малышня, замирая, ждали своей очереди, опасаясь, что нам не доверят наушники. Но клубный киномеханик Степа, длинный, как хвощ, в клетчатом пиджаке поверх полосатой тельняшки, протягивал круглые штуки и говорил:

— Ну-ка, приобщайся, голь перекатная, к прогрессу, инженером будешь.

Я прикладывал к уху черный кругляшок — чудо радиотехники, и помню, когда впервые услышал голос издалека, едва различимый изза стука собственного сердца: «Говорит Москва!» — вдруг заорал: «Я вас слышу, Няндома слушает!».

Люди покатились со смеху, а мне было не смешно. Что смешного в том, чтобы ответить человеку из Москвы.

Потом открылся кинотеатр, и мы, подростки, еще засветло забирались под сцену. Когда гас свет, и пианист ударял по клавишам, и зал заливала трепетная полутьма, мы вылезали, перепачканные в пыли, и не смотрели, нет, впитывали в себя чудесный, открывающийся перед нами мир человеческих страстей, чтобы за пять минут до конца снова залезть под сцену и опять вылезть, когда потухнет свет.

«Красных дьяволят» я просмотрел ровно двадцать пять раз. Я эту цифру хорошо запомнил, потому что на двадцать шестом нас механик Степа вытащил из-под сцены, как котят, и серьезно сказал:

— Люди, я считал, сколько вы смотрите одно и то же, до каких пределов простирается человеческая тяга к искусству.— Он поднял палец.— Предела нет! Я разрешаю вам смотреть бесплатно. Это награда за терпение.

Новое входило в нашу жизнь стремительно, заполняло ее. Отец по вечерам читал вслух последние известия: «Проект Турксиба», «Закладка Кузбасса», «Успех Магнитки», «Покорение тайги», «Город на Амуре».

Словно волшебная музыка издалека, за тридевять земель, доносился к нам в исконную глушь стук топоров, жужжание пил, рев первых тракторов. А на афишной тумбе появились объявления, и каждое начиналось словом: «Требуется». Требуются техники, инженеры, строители. И в нашем доме, как и в других, появились невиданные инструменты, готовальни, чертежные доски.

Михаил чертил замысловатые проекции, отец ходил вокруг него, покашливал, ронял с усмешкой:

— И наш брат в науку пошел. Ну и ну...

Однажды пришел Алексей — веселый, сияющий, долго рылся в карманах, достал часы и протянул отцу. Старенький «Павел Буре» лег на мозолистую ладонь.

— Теперь у меня свои,— сказал Леша,— поздравь, отец, сдал на машиниста. А ты, Миша, догоняй!

И отец с улыбкой — видно, вспомнил былое — оглядел часы, передал Михаилу:

— Держи, до своих собственных...

После занятий в школе мы шли в учебные мастерские, готовились помогать старшим. И тут встречал нас деповский учитель Степан Иванович Цветков.

— Ну-ка,— говорил он,— становись к станку, бери зубило, молоток. Первый раз по пальцу, второй по металлу, постигай рабочее ремесло, пригодится.

И мы шабрили медь для заготовок, полировали, воронили инструмент. И когда мы впервые с другом Егором Кабриным сделали штангенциркуль, Цветков долго его разглядывал, прицокивал языком, потом сказал:

— Ей-богу, молодцы!

И все смотрели на нас удивленно, радостно. А я все еще не верил, что это я сам создал инструмент, и он пойдет в дело, им будет пользоваться рабочий. И так он будет переходить от одного к другому, и каждый, кто возьмет его в руки, прочтет мою фамилию мастера, творца. И было удивительно, что не только отец со своими часами, но и мы, подростки, уже оставляем на земле вещь, которая напоминает о нас.

А часы, что ж, часы совершали свой правильный путь. Когда Михаил уже водил первый, недавно появившийся у нас скоростной паровоз и его имя замелькало в газетах, старенький «Павел Буре» снова вернулся к отцу. Потому что Михаила премировали именными. Ему и покупать не пришлось.

«Павел Буре» лежал теперь на комоде в ожидании новых владельцев. Часы тихонько тикали, шли по-прежнему точно, отмеряя время, только на циферблате появилась крохотная щербинка, и никакой часовщик не брался ее исправить.

Я часто думал потом про эти часы. Они-то остались прежними, старыми часами, но время уже нельзя было измерять обычным способом, оно ускорялось. Пятилетку выполняли в три года. Поезда ходили вдвое быстрее, и мы за месяц узнавали столько нового, сколько прежде не узнали бы и за сто лет. И это новое непременно связывалось с репродуктором, который доносил до нас голос Москвы, голос страны, голос всего мира.

Кончилась учеба, я сложил учебники на полку и раздумывал: чем бы сейчас заняться? Летом нам работать не разрешали, сказали: отдыхайте, набирайтесь сил. А зачем набираться сил, если их некуда девать. И все время куда-то тянуло, хотелось больше узнать, больше увидеть.

— Ох,—сокрушалась мать,— вот времечко пошло.— И с улыбкой утирала слезу.— Хоть ты-то посиди дома. Все разлетелись. Один в Ленинграде, другой в Москве...

— А что, мать! — отозвался отец, читавший газету, и посмотрел на меня поверх очков.— А что, если мы вместе с тобой и Женькой поедем страну смотреть. Билет бесплатный, кругом родичи... Погостим, людей поглядим, себя покажем...

...Вышел и я в люди. Стал классным слесарем. Выпускал в цехе стенную газету. А потом как рабкора меня выдвинули в редакцию газеты «Лесная магистраль». Ее выпускал политотдел няндомского отделения Северной железной дороги. Не верилось, что может появиться в свет написанная мной заметочка, набранная шрифтом и тиснутая на американке. Не верилось, а однажды свершилось.

Отец долго, очень долго читал свежий, пахнущий типографской краской номер.

— Неплохо,— заключил он наконец.— Машиниста из тебя так и не получилось. Жаль, конечно, но вижу, что из тебя выйдет толк.

На другой день, вручая мне старинные часы, отец сказал:

— Теперь они будут твои, на всю жизнь...

ЮНОСТЬ МИРА В БОРЬБЕ

Мощные антиимпериалистические, антивоенные митинги, выступления, манифестации молодежи прокатываются по всей нашей планете. «Юность обличает империализм». VIII Ассамблея Всемирной федерации демократической молодежи приняла решение о проведении этой кампании.

Год 1970-й. В 60 капиталистических странах прошли массовые демонстрации и митинги юношей и девушек.

Во всем мире молодежь гневно и взволнованно выступает за освобождение американской коммунистки Анджелы Дэвис, брошенной за решетку реакцией.

В Нью-Йорке был создан комитет в ее защиту. 35 тысяч подписей было собрано в этом городе под петицией «Свободу Анджеле Дэвис!» в августе и сентябре. Теперь таких комитетов в США более ста. В крупнейших городах Англии, Франции, Италии и других стран Западной Европы состоялись манифестации молодежи в поддержку мужественной американской патриотки. Фания Джордан Дэвис, сестра Анджелы Дэвис, рассказывала молодым демонстрантам о борьбе негритянского населения США против расовой дискриминации.

Юность планеты заявляет о себе во весь голос. Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов стали подлинными организаторами и идейными руководителями молодежного движения.

Из года в год растут ряды ВФДМ. Она завоевала авторитет и уважение юношей и девушек всего мира. С момента своего возникновения в 1945 году и до наших дней она последовательно выступает в защиту социально-экономических и общественно-политических прав и свобод молодежи.

В начале деятельности ВФДМ в нее входили организации из 63 стран мира. Сейчас в федерации состоит около 200 молодежных организаций из 98 стран.

75 процентов всех студенческих организаций планеты объединены в рядах МСС. Это самый крупный, самый представительный и авторитетный союз студентов.

ВФДМ и МСС тесно связаны друг с другом. В числе их совместных мероприятий — Международная молодежная встреча в Браззавиле, посвященная солидарности с борьбой народов и молодежи португальских колоний, и Международная студенческая конференция в Хельсинки — «Студенты и освободительные движения Африки».

Участники этих встреч, прошедших в рамках Всемирной кампании «Юность обличает империализм», заявили, что они солидарны с народами и молодежью Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау), борющимися против господства португальских колонизаторов, за свободу и независимость своих стран. Они также призвали молодежь мира решительно разоблачать преступления НАТО, правительств и монополий капиталистических стран, которые оказывают поддержку колониальной войне Португалии и поддерживают расистские режимы на юге Африки.

Близится к концу 1971 год. Впереди новые славные боевые дела и свершения юности мира.

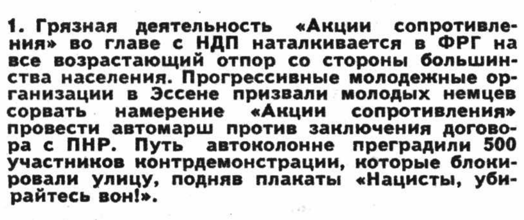
Летом 1973 года столица ГДР город Берлин гостеприимно встретит участников X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Этот фестиваль станет кульминационным пунктом Всемирной кампании «Юность обличает империализм», крупной вехой в истории становления и укрепления единого фронта демократической молодежи мира.

1

3

2

1. Грязная деятельность «Акции сопротивления» во главе с НДП наталкивается в ФРГ на все возрастающий отпор со стороны большинства населения. Прогрессивные молодежные организации в Эссене призвали молодых немцев сорвать намерение «Акции сопротивления» провести автомарш против заключения договора с ПНР. Путь автоколонне преградили 500 участников контрдемонстрации, которые блокировали улицу, подняв плакаты «Нацисты, убирайтесь вон!».

2. Этот молодой человек в солдатской форме служит в бундесвере. Его зовут Рюдигер Рагузе. Он не может молчать, в то время как правые реакционные круги Западной Германии пытаются повернуть политический курс страны назад. Он в числе тех, кто собрался в Бонне на общественный суд молодежи, которая обвиняет руководящих деятелей ХДС/ХСС.

3. Строй вооруженных до зубов солдат. Они охраняют здание Пентагона от гнева молодежи Соединенных Штатов.

Но ничто не может помешать услышать голос правды. С каждым днем он звучит все громче и громче, несмотря на репрессии американских властей.

4. Лига демократической молодежи организует марши протеста против американо-японского соглашения о возвращении Окинавы. Оно предусматривает восстановление административных прав Японии на остров в обмен на дальнейшее втягивание в русло американской агрессивной политики.

Демонстрации протеста против захода американских атомных подводных лодок и авианосцев в порты страны, массовая агитация юношей и девушек на борьбу — характерные формы деятельности демократических и прогрессивных организаций молодежи Японии.

5. Не утихает волна студенческих выступлений в Южном Вьетнаме. Студенты университетов и колледжей Сайгона, Гуэ и других городов страны протестуют против результатов выборов, сфабрикованных американцами и антинародным сайгонским режимом.

Десятки студенческих демонстраций, проходящих по всей стране,— убедительное свидетельство твердой решимости молодого поколения Южного Вьетнама бороться до конца за свободу, демократию и лучшее будущее вьетнамского народа.

6. Бернадетта Делвин, известная общественная и политическая деятельница Ольстера, обращается к митингу лондонской молодежи, требующей прекращения английских кровавых репрессий в Северной Ирландии, вывода британских войск с этой многострадальной земли. По всей Англии ширится молодежное движение солидарности с борющимся за свои гражданские и социальные права населением Ольстера.

7. Растет молодежное антивоенное движение в Соединенных Штатах. Юность этой страны гневно протестует против агрессии американского империализма на Индокитайском полуострове, требует вывода войск США из Южного Вьетнама, выражает солидарность со справедливой борьбой вьетнамского народа.

Этот материал подготовлен при участии Комитета молодежных организаций СССР и посвящается Всемирному дню молодежи.

4

5

6

7

Людмила ПОПОВА

ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

Люди пишут не только родным или близким,
Мчатся письма по рельсам,
летят в облаках...
Люди пишут на русском,
французском, английском,
На японском, арабском —
на всех языках.
Пишут: «Самому доброму Дереву в мире».
Пишут: «Дереву дружбы»...
Люди пишут о мире.

И не только друзьям
люди шлют сувениры,
И не только любимым
посылают подарки,—
Фотографии, книги,
скульптуры и марки
Адресованы:
«Сочи. Дереву мира».

И бывают посылки,
ценней величайших сокровищ:
С могилы Чайковского
землю прислал Шостакович...
...Из Ясной Поляны,
из Пятигорска,
С места дуэли на Черной речке
К подножию Дерева
горстка за горсткой
Ложится земля с молчаливою речью:
— Я воля народа,
я сила народа,
Защита твоя от любой непогоды.

И ко мне протянуло ты ветви свои;
Я с тобою увиделась, Дерево дружбы,
Здесь, где солнце подолгу в зените стоит,
Здесь, где море под ветром качается южным.
Светят множеством маленьких солнц золотых
Небывалые цитрусы в листьях густых,
А над ними скрижальки,
где на все времена
Пишет Дружба сама
имена, имена...

И я слышу, как Дерево мне говорит:
— Первым здесь побывал
Отто Юльевич Шмидт.
Здесь провел он в крутом, в предвоенном году
Целый день в нашем сочинском мирном саду...
Те же высились пальмы и тот же бамбук,
Так же пламенно розы сияли вокруг...
Мы хотели, чтоб здесь отогреться он мог
От полярных ночей, экспедиций, тревог...
И на ветви мои он смотрел изумленно —
На соседство грейпфрутов, мандаринов,
лимонов...
И тогда ему тайну открыл садовод,
Как рождается новый мичуринский плод.
И, прививочный ножичек взяв, увлеченный,
Первый рейс в садоводство
предпринял ученый.

Незабытое прошлое с будущим слито:
Видит Дерево тех, кто учился у Шмидта,
И хранит, бережет его доброе имя
Изумрудная ветка, привитая ими.

Продолжается жизнь,
вдохновенья огонь не остужен,
И сердца неуемною жаждой открытий горят.

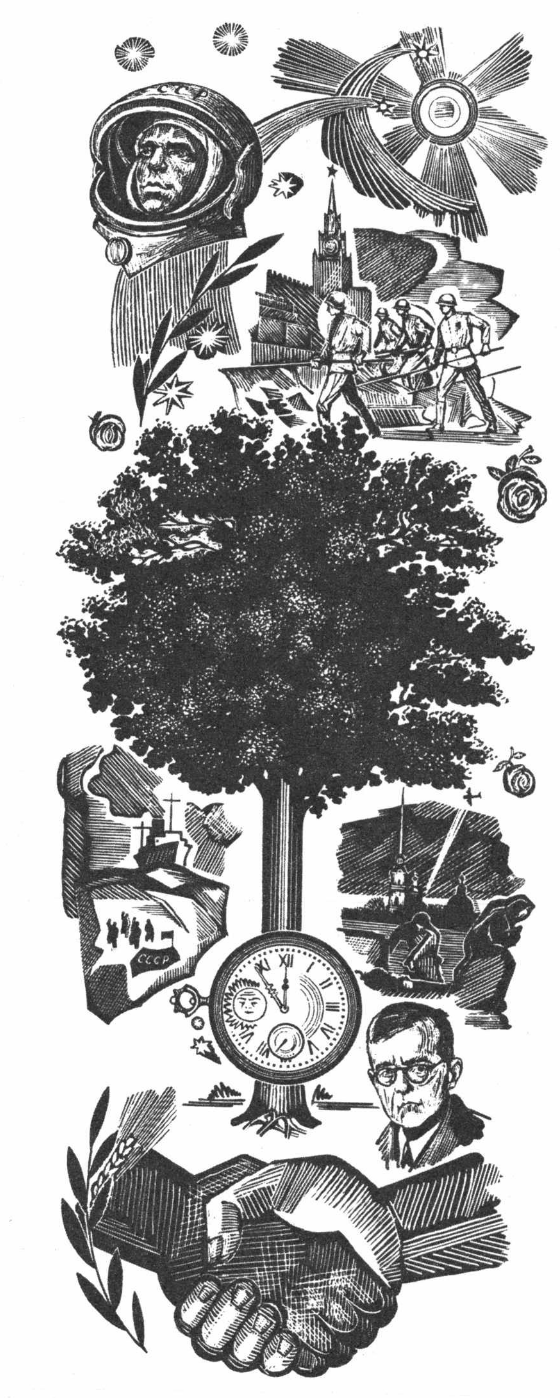

Рисунок Ю. КОСМЫНИНА.

На большие зимовки —
на Северный полюс и Южный —
Вновь и вновь посылает ученых своих
Ленинград.
Ленинград!
Через все расстоянья прошло это слово —
Память Залпа,
потрясшего Землю полвека назад,
И трехлетней осады,
и борьбы беспощадно суровой,
И победы над смертью —
Ленинград! Ленинград!
И сияют плодами высокие ветки героям,
Нагибаются к ним,
из легенд приходящим сюда,
И взвивается песня:
— Войне мы дорогу закроем,
И колышутся листья:
— Навсегда, навсегда.

Но еще нам не сладить с военными снами,
И все пристальней смотрим мы в память свою,
И погибшие в битвах наши воины с нами
На века молодые на пdверках встают.

Здесь росток мандарина, стараясь не плакать,
Прививала на Дереве Исии Ханако.
Ветер челку трепал над округлою бровью,
И горели глаза незакатной любовью.
— Он боролся за мир,—
говорила Исии,—
Отдал жизнь он за счастье людей,
за Россию!..

Имя рыцаря зоркой советской разведки —
Имя Рихарда Зорге я даю моей ветке.
И запела на Дереве необычная птица,
И любви иероглиф на скрижальке лучится.

Здесь вижу я ветку лимона,—
Ее прививал Хо Ши Мин,—
С мечтой о земле обновленной,
Без войн, без снарядов и мин...
И знал он, за счастье Свободы
Вьетнам постоит до конца,
И верил в победу народа
Он сердцем вождя и борца.

Но с безрассудством упрямым
Бесчинствуют мира враги,
Машины их в небе Вьетнама
Преступные чертят круги.

И падают бомбы на пальмы,
На зреющий рис, на поля,
Сжигают селенья напалмом,
И стонет и ропщет земля.

И небо над Красной рекою.
И волны в ней крови красней,
И с горькой, с бесслезной тоскою
Шлют матери в бой сыновей.

Но джунгли, и горы, и море
Встают за Свободу свобод,
И в час испытаний и горя
Приходит к народу народ.

У мира друзей миллионы,
Войну Человек победит.
Уже от корней и до кроны
Все Дерево дружбы гудит.

Вот имя — Ван Клиберн,—
Зарею скрижалька зажглась,
Искусство свое
принеся к нам из-за океана,
Сюда приезжал он,
здесь думал о людях и странах,
И с Дерева дружбы
не сводил зачарованных глаз.

Его неподдельным восторгом растроган,
Просил садовод, чтоб на ветке любой
Оставил Ван Клиберн прививку-автограф.
— О, уез!— отвечал он, кивнув головой.

Чуть тронул зеленые клавиши ветер,
Прильнула к ладоням прохлада ветвей,
Магическим ножичком ветку пометив,
Сказал он:
— В честь всех на земле матерей!
И тут он услышал в какой-то момент,
Как ветка под пальцами тихо запела.
Казалось, в руках его был инструмент,
Который любил и которым владел он.
Все музыкой стало:
и море, и ветер,
Младенческой почки таинственный рост.
Все музыкой стало,
и в первом на свете,

В единственном Дереве дружбы слило́сь.
А Дерево пело на всех языках,
Оно говорило на разных наречьях,
И слушал он струны сердец человечьих
В развесистых ветках и юных ростках.
Свое завершив непривычное дело,
Он ветку погладил,
сиял его взгляд.
А Дерево пело,
а Дерево пело,
И музыку мира ловила Земля.

А помнишь ли, Дерево, как ты трепетало
И к небу тянулся твой каждый росток,
Когда первозданной звездой пролетал он
Вкруг шара земного,
корабль «Восток»?
А после второй,
и четвертый, и пятый...
В гостях у созвездий,
в краях необъятных..
И женщины голос из дальней дали́,
И блеск ее глаз на экранах Земли.
Тебя окружали цикады и птицы:
— О Дерево дружбы,
вернется ль она?
Ты кроной качало:
— Она возвратится...
Ты им отвечало:
— Вернуться должна!
И звездные встретились люди с тобой,
И женщина, срезав грейпфрут наливной,
На равные дольки его разделила,
И соком его, как живою водой,
Она своих славных друзей напоила.
За этим нежнейшим подарком Земли
Им виделись клады ее и богатства,
И новые дали, где их корабли
Проходят орбитами дружбы и братства.

А на Родину Ленина
посылают народы
Самолеты содружества
и надежд пароходы,
И с востока и запада,
с севера, с юга
Здесь встречаются люди,
находят друг друга.
Говорят, если б не было в мире «Авроры»,
Разве Дерево дружбы открылось бы взорам?
И болгарин по-братски обнимается с чехом,
Поля Робсона голос повторяется эхом...
В их ладонях плоды с апельсиновых веток —
Будут миру светить своим радужным светом.
Так вот почему
я к тебе прихожу, как на службу,—
На заветную службу
стиха, и любви, и мечты...
Рядом дети поют:
«Пусть всегда будет Дерево дружбы!..»—
Африканские дети...
Понимаешь ли ты?..
— Понимаю! —
Ты мне отзываешься шумом ветвей.
Мир еще не устроен,
тревожно еще на планете,
Только слышу, как веет
великого времени ветер —
Ветер жизни для белых,
и черных, и желтых детей.
Так с тобой говорю я
и верю: военной метели
Не дадим мы подкрасться
к твоей шелковистой коре.
Снегом белых цветов
вновь и вновь покрывайся в апреле,
Золотые плоды свои
людям дари в ноябре.
Если ж станет мне туго
в каком-нибудь жизненном споре
Иль в полете моем
облаков потускнеют слои,
Добрым голосом друга
ты окликнешь меня с Черноморья,
Сквозь пространство и время
протянешь мне ветви свои.
Солнце клонится к морю,
а встречи здесь все откровенней,
Все несут к тебе люди
сердец непреклонных накал,
И читают стихи
под твоею широкою сенью,
И на скрипках играют,
и поют «Интернационал».

Ленинград.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

А. ГОЛИКОВ

Фото автора.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

В хмурый октябрьский день я приехал на подмосковную дачу Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Александр Михайлович любезно встретил меня и проводил в свой кабинет. Эту уютную, светлую комнату с огромным, во всю стену книжным шкафом украшает маленькая копия памятника воину-освободителю, установленного в Берлине. Один из выдающихся советских военачальников, прославленный полководец Великой Отечественной войны внес свою весомую долю ратного труда в победу над фашизмом.

В грозную военную пору Александр Михайлович возглавлял Генеральный штаб, был членом Ставки Верховного Главнокомандования. Он участвовал в разработке планов многих сражений и операций Советской Армии, часто в качестве представителя Ставки принимал участие в их осуществлении. В послевоенные годы маршал А. М. Василевский снова был начальником Генерального штаба, первым заместителем военного министра и военным министром Союза ССР.

— Вот уже несколько лет, как я генеральный инспектор Вооруженных Сил, занимаюсь военно-научной и литературной деятельностью,— рассказывает Александр Михайлович.— Сейчас работаю над воспоминаниями. Собственно, в основном книга почти уже закончена. Это мемуары, посвященные главным образом событиям Великой Отечественной войны. В них я в значительной степени касаюсь вопросов руководства вооруженной борьбой, разбираю крупнейшие операции Отечественной войны, в которых принимал непосредственное участие, говорю о росте и могуществе наших славных Вооруженных Сил, об их героизме, патриотизме, о героизме советских людей, об их преданности Коммунистической партии, под руководством которой были одержаны наши победы.

Александр Михайлович листает объемистую рукопись, вспоминает свою юность, когда он учился в Костромской духовной семинарии, мечтал стать сельским учителем, заработать деньги, чтобы получить агрономическое образование. Но началась первая мировая война. Закончив семинарию экстерном, он в конце 1914 года идет в армию и вскоре направ-

ляется в юнкерское училище, а затем прапорщиком на фронт. Смелый, находчивый, молодой офицер видел в солдатах боевых товарищей, делил с ними все тяготы окопной жизни, за что и пользовался их неизменным уважением. Конец первой мировой войны застал его на румынском фронте в должности командира роты в чине штабс-капитана.

— Так вы и стали профессиональным военным?

— Нет. Свое призвание я нашел в Красной Армии. Конечно, невольно возникает вопрос: каким образом бывший штабс-капитан стал красным командиром, потом членом Коммунистической партии, членом ЦК, депутатом Верховного Совета? Переломным рубежом для меня, как и для всей России, был 1917 год. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала на меня и на мое политическое формирование решающее влияние. Советской Родине нужна была своя армия, а для нее нужны были свои командные кадры. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. С тех пор вот уже более полувека я с гордостью несу службу в Советских Вооруженных Силах. Правда, службу в частях Красной Армии пришлось начинать с должности командира взвода, причем мой прежний воинский чин — штабс-капитан, мое социальное происхождение на первых порах, естественно, несколько настораживали и командование и парторганизацию отдельного запасного батальона, расквартированного в городе Ефремове, куда поначалу я был зачислен. Однако вскоре мне стали доверять. Дали роту, батальон, а вскоре и полк. Это было проявлением ленинской заботы об использовании военспецов.

Кончилась гражданская война, и я навсегда остался военным.

На моих глазах партия и Советское правительство из года в год, выполняя заветы Ленина, всемерно и успешно заботились о создании мощных, современных Вооруженных Сил, об укреплении обороноспособности страны. Уже в начале тридцатых годов в стране начали создаваться крупные бронетанковые соединения и воздушнодесантные войска, резко росла мощная бомбардировочная авиация, армия получала современные по тому времени технику и вооружение. Выросла блестящая плеяда военачальников. Они успешно разрабатывали вопросы боевого применения новых родов войск, вооружения и боевой техники. На войсковых учениях и маневрах изыскивались наиболее эффективные методы организации взаимодействия родов войск, управления ими. На основе этого разрабатывали для войск и штабов инструкции, наставления, уставы взамен устаревших. В этой связи не могу не вспомнить, что в свое время мне посчастливилось немало поработать под руководством таких талантливых военачальников, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, Б. М. Шапошников, В. К. Триандафиллов и другие.

— Александр Михайлович, кроме того, что вы уже рассказали, какие довоенные события особо запечатлелись в вашей памяти?

— Назову лишь несколько из них. Незабываем для меня май 1931 года, когда осуществилась моя заветная мечта о вступлении в партию, мечта, которую я вынашивал с первых дней Октябрьской революции. Тогда я служил в родной 48-й стрелковой дивизии, ей я отдал 12 лет жизни, в ее рядах сражался и в годы гражданской войны. Вступление в партию для меня, бывшего штабс-капитана, выходца из духовного сословия, в ту пору, естественно, было процессом сложным, трудным. Но я не сомневался, что коммунисты дивизии, которые меня хорошо знали, окажут мне доверие. И я подал заявление в партбюро полка.

И вот идет незабываемое для меня открытое партсобрание полка. Оно закончилось единогласным решением партийной организации о принятии меня кандидатом в члены ВКП(б).

В декабре 1933 года я в составе парторганизации Управления боевой подготовки РККА прошел чистку. Как известно, решением Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от двенадцатого января 1933 года прием в партию был прекращен, и лишь в начале 1938 года на открытом партсобрании Генштаба я был принят в члены партии. Я стал коммунистом. Это — самое важное событие в моей довоенной жизни.

Памятны мне и события, связанные с советско-финляндским конфликтом 1939—1940 годов. В конце декабря 1939 года под непосредственным руководством начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова я всецело был занят разработкой соображений по плану дальнейшего ведения войны с Финляндией и главным образом разработкой плана прорыва обороны линии Маннергейма. Именно тогда состоялись мои первые и ежедневные поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, мои первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично с И. В. Сталиным.

После нашей победы для ведения мирных переговоров в Москву прибыла правительственная делегация Финляндии. В состав нашей правительственной делегации был включен и я. Для демаркации новой государственной границы была назначена смешанная государственная комиссия. Руководство комиссией с советской стороны было возложено на меня. Все это я расценивал как высокое доверие партии молодому коммунисту.

И, наконец, еще один акт такого доверия. В составе советской правительственной делегации в качестве военного советника в ноябре 1940 года я выезжал в Берлин.

— Александр Михайлович, какие наступательные операции, сражения Великой Отечественной войны наиболее памятны вам?

— Ответить на этот вопрос, тем более в столь кратком интервью, довольно сложно. Трудно перечислить все наступательные операции советских войск за эту войну. Многие из них являются поистине классическими. Известно, что из шести осуществленных нами в период войны кампаний лишь две носили оборонительный характер, а остальные — ярко выраженный наступательный.

Если говорить о наиболее трудном для страны первом годе Великой Отечественной войны, то самой памятной для всех советских людей моего поколения была и будет битва за Москву. Лично мое участие в ней ограничивалось работой по планированию и материальному обеспечению, а также оказанием всемерной помощи Верховному Командованию в управлении войсками в битве за Москву. Она характерна прежде всего тем, что без какого-либо численного превосходства над противником в силах советские войска в ожесточенных сражениях отстояли свою столицу, нанесли врагу огромные потери, а затем наголову разгромили немецко-фашистские полчища.

Во второй год войны, бесспорно, главным событием являлась незабываемая Сталинградская битва. Мне пришлось принимать непосредственное участие в ней от начала и почти до самого конца. Прорвавшись к Волге севернее города, враг создал для нашей страны смертельную угрозу. Однако, несмотря на огромное превосходство в живой силе, боевой технике, врагу не удалось сломить сопротивление защитников непокоренного города. Проверяя, как представитель Ставки, состояние обороны на северной окраине города, помогая ее организации, 24 августа я побывал на Тракторном заводе. Противник находился в полутора километрах от завода, подвергая его ожесточенному артиллерийскому и минометному обстрелу, непрерывной бомбежке с воздуха. В этих условиях под руководством партийной организации, а также находившихся там представителей ГКО героический коллектив завода не только проводил эвакуацию самого ценного оборудования, но и продолжал делать новые и ремонтировать выбывавшие из строя танки. Многие рабочие, собрав танки, на этих же машинах сами отправлялись в район боев. Да что рабочие, мужчины! Женщины не хотели уезжать из пылающего города! Шли санитарками, а то и бойцами в роты, на передовую.

19 ноября началась Сталинградская наступательная операция. Всего пять дней потребовалось нашим войскам, чтобы окружить 330-тысячную группировку отборных немецко-фашистских войск, которая в начале февраля 1943 года была полностью ликвидирована.

Курская битва была центральным событием третьего года войны. В результате этой битвы гитлеровской машине был нанесен новый сокрушительный удар.

На примере Курской битвы,— говорит маршал Василевский,— грандиозной по масштабу и исключительно сложной по содержанию, по формам ее проведения, можно хорошо проследить, как зарождались и вырабатывались у Верховного Главнокомандования замыслы столь крупных стратегических операций, как обеспечивалось их осуществление. К разработке плана боевых действий на лето 1943 года Ставка приступила в марте 1943 года. Советской разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению в районе Курского выступа, а затем установить и время перехода врага в наступление. В связи с этим перед нашим командованием встал вопрос: как быть, наступать или обороняться? Принять единственно правильное решение помог, как и всегда, коллективный разум военачальников, штабов — от командования фронтов до Верховного Главнокомандования. Решено было главные усилия сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь врага в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить разгром противника.

В процессе подготовки операции нашей разведке удалось установить новые сроки начала наступления фашистов на Курской дуге, сроки, которые Гитлер трижды переносил. Когда гитлеровцы явно стали затягивать начало наступления, у некоторых военачальников появились сомнения, целесообразно ли и дальше ожидать наступления врага. Они предложили И. В. Сталину самим перейти в наступление, чтобы не упустить время для выполнения всех задач, поставленных Ставкой перед фронтами. Верховный Главнокомандующий внимательно и серьезно отнесся к этому предложению и уже склонен был его поддержать. Нам с большим трудом удалось уговорить И. В. Сталина оставить на ближайшие дни принятый план в силе. Мы исходили из того, что знали: враг полностью готов к наступлению,— и у нас не было сомнений в том, что со дня на день это наступление начнется. Как известно, 5 июля гитлеровцы перешли в наступление, будучи вполне уверенными в своем успехе. 5 июля началось великое сражение на Курской дуге. Чем оно закончилось, знает весь мир.

В 1944 году в основу советской военной стратегии была положена идея последовательного наступления на различных направлениях. Первыми перешли в наступление советские войска на Северо-Западном направлении. Главный же удар наносился в центре советско-германского фронта, где были блестяще осуществлены Белорусская и Львовско-Сандомирская операции.

И, наконец, в 1945 году были проведены Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Будапештская, Венская, Пражская и завершившая войну гигантская Берлинская операции. На мой взгляд, из всех наступательных операций, проведенных в 1944 и 1945 годах, наибольший интерес представляют Белорусская и Берлинская операции.

...В кабинет вбегает внучка Александра Михайловича, маленькая Анечка, и показывает деду новую куклу.

— Ради вот таких девчушек, ради жизни на земле мы воевали и победили,— говорит маршал, усаживая девочку на колени.

...Время нашей беседы истекло. Я прощаюсь с прославленным полководцем маршалом А. М. Василевским, дважды Героем Советского Союза. Он один из трех советских военачальников, дважды награжденных высшим полководческим орденом Победы. Ему в числе других наших полководцев был вручен и орден Октябрьской Революции.

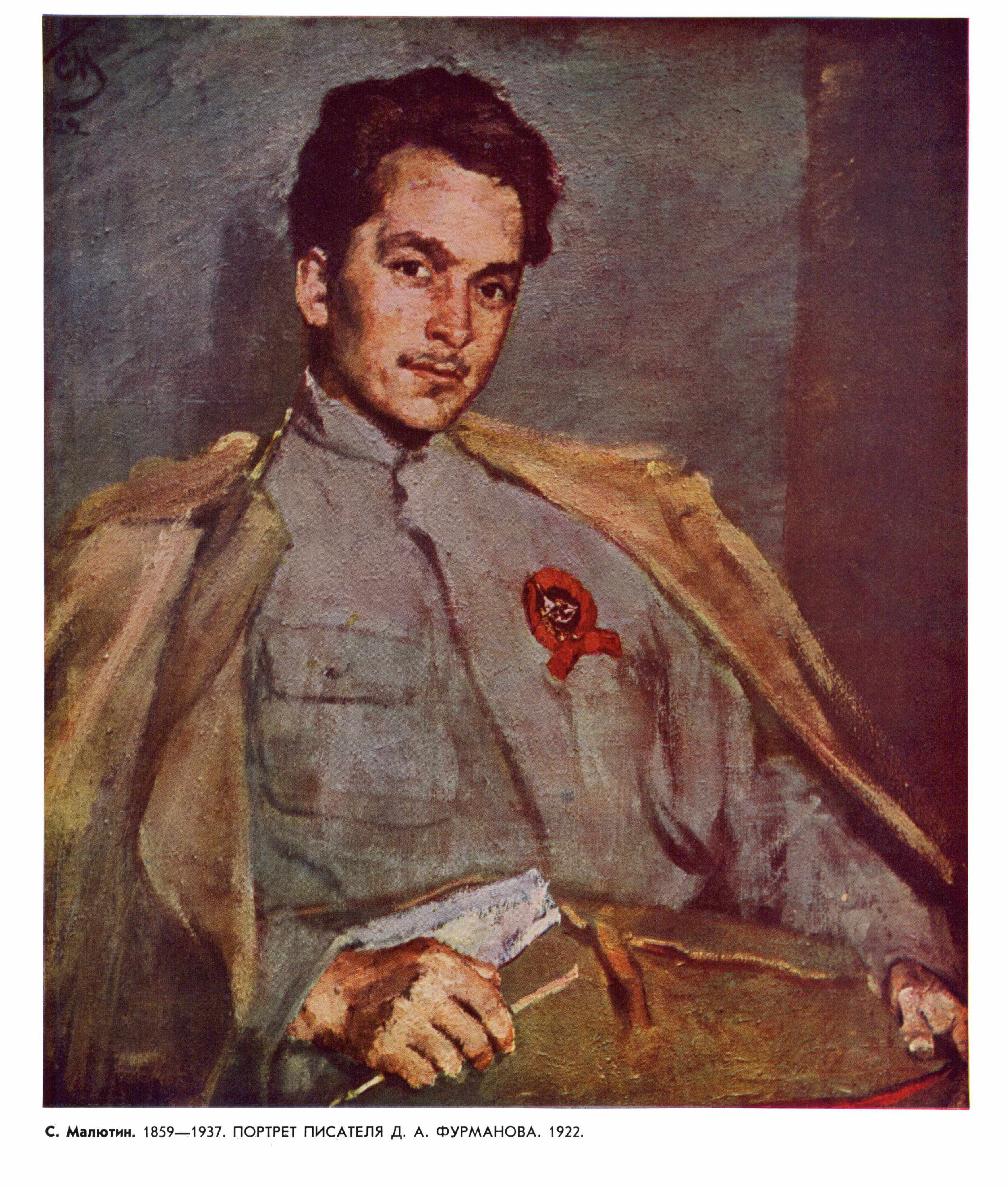
А. Мельников. ПАТРУЛЬ.

Е. Кибрик. ПОБЕДА.

Х выставка произведений членов Академии художеств СССР.

С. Малютин. 1859—1937. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ Д. А. ФУРМАНОВА. 1922.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Д. А. ФУРМАНОВА

КОММУНИСТ, БОЕЦ, ПИСАТЕЛЬ

В ночь на 1 февраля 1919 года ивановцы провожали отряд текстильщиков-коммунистов в распоряжение командующего 4-й армией Восточного фронта М. В. Фрунзе (Михаил Васильевич выехал из Иванова на несколько дней раньше, чтобы принять командование армией).

Отряд ткачей-коммунистов возглавил совсем еще молодой человек, темпераментный, энергичный. То был любимец ткачей Дмитрий Фурманов, неутомимый агитатор, чьи слова проникали в самую душу рабочих.

Ивановские ткачи и их испытанные большевистские вожаки во главе с М. В. Фрунзе помогли Фурманову пройти суровую школу классовой борьбы, раскрыли перед ним истинное учение о революции — ленинизм, и Фурманов, всегда жаждавший служить народу, обрел, как он сам говорил, «твердыню — убеждение», став коммунистом.

Вот почему он считал датой своего рождения 1918 год, когда вступил в Коммунистическую партию.

Именно тогда все потенциальные качества революционера раскрылись с необыкновенной силой, подобно живительному источнику, пробившемуся из-под земли.

Он приобрел опыт партийной работы на посту секретаря Ивановского губкома РКП(б), прошел тернистые пути-дороги гражданской войны, был среди лучших посланцев партии по политическому воспитанию бойцов молодой Советской Армии, написал неувядаемые книги «Чапаев» и «Мятеж», задумал создать эпопею о гражданской войне и создал бы, если бы его жизнь не оборвалась так рано.

Произведения Фурманова прочно вошли в духовную культуру советских людей. Об авторе «Чапаева» написаны книги, диссертации, свыше тысячи статей и воспоминаний на одном только русском языке.

Потрясающая правда о легендарном комдиве вызвала не только самый живой интерес у миллионов читателей, но и открыла новую страницу в развитии литературы социалистического реализма. Кому не ясно, что такие произведения, как «Молодая гвардия» А. Фадеева и многие другие, получившие широкое признание, ведут свою родословную от «Чапаева»!

Фурманов явился основоположником советской художественно-документальной беллетристики в ее лучших образцах.

Смелая рука новатора проложила путь к совершенно новому отображению жизни, когда на страницах книг раскрываются образы людей с конкретными именами, в конкретно-исторических условиях.

Фурмановский «Чапаев» обошел весь свет, и едва ли теперь найдется такой язык в мире, на котором бы не звучало имя легендарного комдива.

Но «Чапаев» — это книга не только о народном полководце-самородке, но и о рабочем классе, и тут нам снова придется вернуться к ивановским ткачам, олицетворяющим в произведении лучшие качества революционного пролетариата.

В. И. Ленин не раз ставил революционные подвиги ткачей в один ряд с заслугами рабочих Петрограда и Москвы. Об этом великолепно знал Фурманов, и, поскольку ткачи были для него самыми дорогими и близкими людьми, он посвятил им в книге незабываемые страницы, ставшие, по существу, идейной основой «Чапаева».

Ведь 220-й Иваново-Вознесенский полк, входивший в Чапаевскую дивизию и названный М. В. Фрунзе «цементом» дивизии, давал Фурманову богатый материал для того, чтобы раскрыть в книге ведущую роль рабочего класса, его высокую политическую зрелость и самоотверженность в революционной борьбе.

«И где их, бывало, где ни встретишь: у китайской ли грани, в сибирской тайге, по степям оренбургским.., на Сиваше у Перекопа — где они не были, красные ткачи, где они кровью не полили поле боя? То-то их так берегли, то-то их так стерегли, то-то их так любили и так ненавидели: оттого им и память как песня сложена по бескрайным равнинам советской земли».

Эти и многие другие строчки о ткачах звучат как гимн мужеству, стойкости и прозорливости представителей рабочего класса, верным сыном которого был Дмитрий Фурманов (а в «Чапаеве» — комиссар дивизии Федор Клычков).

В книге о легендарном комдиве отлично просматриваются колоритные характеры рабочих-коммунистов, подававших примеры воинской храбрости и высокой революционной сознательности.

Фурманов прекрасно отдавал себе отчет в том, как велика была роль опытных рабочих-коммунистов в революционном воспитании крестьянских масс.

«Чапаев» проникнут партийной страстностью автора, и если поставить вопрос о том, что являлось в характере Фурманова самым главным, то ответом станут слова: партийная страстность.

Эта партийная страстность вела его на линию огня в годы гражданской войны, она пронизывала его произведения, с ней он выступал в годы острой идеологической борьбы в литературе.

Дмитрий Андреевич в юности мечтал стать писателем, но еще больше он стремился определить свое место в общественно-политической жизни. Через трудные испытания он пришел в Коммунистическую партию, обрел самое передовое мировоззрение. Партийная страстность увлекла его в самое «пекло» событий. Он ушел с оружием в руках защищать молодую советскую землю, не раз смотрел смерти в глаза, и жизнь обогатила его литературный талант.

Фурманов создал «Чапаева», завоевавшего мировую известность. Эту книгу полюбил народ.

В жизнь идут все новые поколения людей, и «Чапаев», как один из их спутников, продолжает жить.

Геннадий ГОРБУНОВ

г. Иваново.

Юсуф ШАМАНСУР

НЕ РАССТАНУСЬ С ЛЮБОВЬЮ СВОЕЙ

Раскрывая глаза, вижу солнце в объятьях
твоих.
Руки вольно раскинув, стою средь степей
золотых.
И свободно дышу я на ласковых пастбищах
гор,
Отражаясь внизу в зеркалах неподвижных
озер.
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!

Мне атласом из трав расстилаешь приданое ты,
Очарован, невеста моя, я блистаньем твоей
красоты.
Из горячих источников рот мне целует вода.
Я тепло ее в сердце моем сохраню навсегда.
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!
На земле твоей нежатся розы, поют соловьи.
И в душе моей нежность безгранична, как
степи твои.
И душа над степями летит в ослепительный
день.
На твое огнецветное счастье не брошу я тень.
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!

На земле твоей кружится белого хлопка река,
Как над снежной водою в весенней игре
облака,
И с тобой вдохновения чашу я выпью до дна,
Как народ в дни страды — от зари до темна,
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!

И в долине Сурхана, в пути исхудавший и злой,
Погоняя овечьи стада в изнуряющий зной
(Позабыв, что с прохладой садов был я
прежде знаком),
Пусть омоюсь я воздухом, словно самим
кипятком,
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!

И пока в твое светлое зданье — любви
монумент —
Не вложу кирпича, где на солнце замешан
цемент;
В вечных поисках тайн, скрытых в лунной
и звездной пыли,
Не проникну пока я до самого сердца земли,
Не расстанусь с любовью своею, родимый
мой край!

**Перевел с узбекского
В. Шаргунов.**

ДЕКРЕТ

Стоян Ц. ДАСКАЛОВ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

И сейчас я помню эту фотографию в пожелтевшей газете времен войны, которую дядя Стоян прятал, а я — мне ведь до всего было дело — тайком вытащил ее из шкафа. Солдаты с винтовками и крестьяне, склонившись, читают. И раз были солдаты, да еще с винтовками, я вгляделя, что они читают. «Декрет» — это слово было будто выдолблено штыками. «ДЕКРЕТ». Я был тогда еще мальчишкой, учеником начальных классов, и каждое новое слово было тайной, которую я старался разгадать. «Декрет, декрет...» — мучительно думал я и не мог догадаться, что это значит. Буквы наши, но слово было не наше, что еще больше разжигало мое любопытство, и я не мог найти себе места. Спросил отца. Глядя на меня, он усмехнулся и ответил:

— Ты лучше научись хорошо читать...

— Да я же умею! Все могу прочесть... Вот смотри...— обиделся я и показал ему газету.

Отец знал, что читаю я хорошо. Все, что доставал в школе или у старшеклассников, у сестер и у дяди Стояна, я читал вслух отцу. И сейчас он говорил, чтобы отвязаться от меня.

— Вот послушай...— провел я пальцем под словом «декрет».— А что это такое — «декрет»?— У меня мелькнула мысль, что, может быть, и отец не знает, но я не осмелился ему этого сказать.

— Ты положи газету туда, где взял, и больше не трогай! Это не твоего ума дело. Когда вырастешь, поймешь!..

Я хотел ему доказать, что я не маленький и могу все понять, только мне нужно подсказать. Но отец не любил подсказывать, был строгим и не потакал мне. Сказал, чтобы я положил газету на место. Отец больше говорил глазами, чем словами. Только взглянет на меня — и все! Я хорошо понимал его безмолвную речь. И поэтому без дальнейших проволочек я под его взглядом залез на стул и положил газету в шкаф. В нем мы хранили все, что не умещалось на полке. И хлеб тоже. И вот этот шкаф дядя Стоян после войны превратил в склад. Там я впервые увидел красненькие книжечки, которые он время от времени вынимал и уносил куда-то. Потом я узнал, что он дает их читать своим друзьям и знакомым. Во время войны не хватало хлеба, соли, керосина. И те, кто больше всех был недоволен нехваткой, приходили к дяде Стояну. Он им давал книжки. Я понял, что эти книги их сближают и делают еще более злыми, потому что они открыто говорили о богачах, трактирщиках и торговцах. И мне было жалко, что я не понимал всего, о чем они говорили. Мне казалось, что то, о чем они говорят, содержится в этом слове «декрет», смысл которого я так и не мог узнать. Оно заполняло шкаф, как белый каравай, который иногда дядя Стоян приносил с базара.

Однажды я спросил мать:

— Мама, ты знаешь, что такое «декрет»?

— Это, это...— Она даже если бы и хотела, не могла бы мне ответить, потому что была неграмотной и прикладывала палец вместо подписи. Я задумался, не обидно ли ей то, что она единственная в доме не умеет читать и писать. Но она была дружелюбна, разговорчива, отзывчива, со всеми добра, у нее учились многому молодые хозяйки. И никто ее не спрашивал, училась она или нет. Ее уважали, как будто она была очень образованная. Если к нам приходили люди, то центром внимания становилась она, а не отец. Отец знал это и иногда доверял матери некоторые нелегкие дела: пойти к тому-то и попросить что-то, потому что ей не откажут, взять в долг у торговца, потому что ей больше поверят. И она, не записывая в блокнотики, никогда не забывала, кому и сколько должна, расплачивалась пшеницей, яйцами, кукурузой, и нам снова давали в долг.

Единственный человек, который терпел меня около себя и которому не надоедало, что я каждый час пристаю с чем-то новым, был дядя Стоян.

— Пошли со мной в поле!— говорил он, и я с радостью шел с ним.

Мне казалось, что он знал больше отца. Пока мы шли к полю, он мне о многом рассказывал, но о «декрете» я спросить боялся, хотя это и вертелось у меня на языке, потому что тем самым я выдал бы себя, что роюсь в его книжках. Наше поле было в Громаде. Семь декаров на семью из семи человек. Это было все наше богатство. Земля была каменистая и находилась на пологом склоне, на вершине которого был каменный курган-громада. Отсюда и название. Но когда и почему появилась эта «громада», никто не мог сказать. Говорили, что у нас в селе во время турецкого ига был доносчик и что тут его убили. И каждый, кто проходил мимо, бросал камень и проклинал его: «Будь проклят, Тумбо!» Тумбо был хозяином всей этой местности. У него были овчарни, коровники, скот, целый хутор, хорошая земля внизу под Громадой, где и паслась скотина. Она еще принадлежала наследникам Тумбо — братьям Ламбо и Нецо. Это была богатая земля между двумя холмами, целое поле в пятьсот декаров. И леса там вокруг, и луга, и вода для водопоя.

Братья были настоящими феодалами, только что не турецкими, а болгарскими. И землю называли «государственной», а не частной. «Государство», в котором правителями были Тумбины, а народом — арендаторы и батраки. А мы, бедняки, с нашей землей имели несчастье быть их соседями. Время от времени эти ненасытные, не довольствуясь тем, что имеют, поглощали земли соседей и тем самым расширяли свое «государство». Так они отняли земли Андро и Дамяна Цаневых и оставили их, оборванных и нищих, без клочка земли ютиться в соломенных хижинах.

По дороге к своему полю мы боялись увидеть его распаханным или присоединенным к «государству» Тумбиных. Дядя Стоян ставил вехи на меже, и я всегда смотрел, на месте ли они. Однажды мы не увидели грушу-дичка, что стояла у самой межи. Дядя Стоян схватил топор и побежал к их полю. Я за ним. Тумбиных не было. Мы ругались с батраками. Они срубили грушу потому, что она отбрасывала тень. Тумбины подсчитали, какие убытки они несли от тени: пшеница и кукуруза росли мелкими, болезненными и бесплодными.

— Но груша на нашей земле, и вы не имели права!

— Хозяин сказал, что заплатит тебе за нее...

Дядя Стоян вернулся темнее тучи. Под грушей мы обедали. Да она и плодоносила, каждый год мы собирали две-три корзины мелких терпких дичков, которые, однако, полежав, годились для еды. Мама приготовляла из них грушовку — напиток, который мы пили.

Я вертелся около дяди Стояна и все узнавал что-то новое. Он был не похож на отца: не пресекал сразу мои вопросы, делал свои дела, но отвечал мне. Я видел, как он старался найти слова, чтобы я понял его.

— А могут ли, дядя Стоян, Тумбины отнять у нас землю?..

— По закону не могут. Да кто сегодня придерживается закона! Богачи всего мира имеют свои законы: что хотят, то и делают. Они ненасытные.

— Да они же тогда могут отнять нашу землю...

— Могут.

— И что мы будем делать?

— Власть защищает их. Дамян и Андро Цаневы не смогли добиться правды. Хотели убить их. Но не убили, потому что попали в тюрьму, как Цифарка. Только замахнулся — лучше б ударил,— а до сих пор в кандалах ходит...

Мне стало ясно, что наша земля под угрозой. Но все-таки Тумбины ее не брали. Только ее. Я думаю, что они боялись дяди Стояна, который пришел с войны страшный, без погон, бородатый и ругался с властями. Я подслушал вечером, когда дядя Стоян шушукался с отцом, что солдаты на фронте взбунтовались и сбежали. «Мы будем умирать, а Тумбины прибирать к рукам наше имущество!» Бросили винтовки и по домам.

— Почему они еще не забрали нашу землю? — спрашивал я дядю Стояна.

— Если бы она была стоящей, давно бы ее проглотили. Для чего им эти камни?.. Им невыгодно...

Я не мог больше сдерживаться и неожиданно раскрылся перед дядей Стояном:

— А что такое «декрет»?

Вдруг дядя Стоян рассмеялся, но так, словно поздравлял меня с чем-то.

— В шкаф, значит, лазил?

— Ага!— И замер в ожидании.

Он не рассердился, как отец,— погладил меня.

— Пойдем пахать землю, я тебе расскажу!..

Трепетное ожидание заставило меня забыть, что каждый год, когда мы пахали поле, вывозили по телеге камней. И ссыпали их вниз по склону. Мы пропахали всю землю и дошли до скалы. Больше пахать было нечего. Да, под тонким слоем почвы были скалы. И вершиной этих скал была Громада. Осенние дожди вымывали из нее мелкие камни, и мы опять их выбирали. Это был тяжелый труд. Камням не видно было конца. Поясница у меня немела. Руки так болели, что я не мог их согнуть, чтобы поднести ко рту кусок хлеба. Но все-таки мы любили свою землю. У нас была только она — по декару на человека. Один год засевали пшеницей, другой — кукурузой. Но росли в основном сорняки. Может, это ветры приносили сюда сорняки с Громады — этого гнезда гадюк. На земле Тумбиных пшеница вырастала в человеческий рост, а наше поле — две пяди — зарастало сорняком! Но что поделаешь! Это была наша земля, за нее мы платили налог, обрабатывали ее и охраняли. Кукуруза годилась только на корм скоту, не могла она пустить вглубь корни, чтобы напитаться влагой. Она раскалялась во время засухи, влага испарялась, и кукуруза рано увядала, перегорала, пшеница желтела уже в мае и июне, колосья быстро, за два-три дня, вызревали, но стояли прямыми — зерно в них было легким. Колос состоял только из усиков с несколькими тощими зернышками, в толстой кожуре, под которой была другая — потоньше и посветлее, а под ней и третья — еще более тонкая. Это тощее зернышко было словно в пеленки завернуто. Но что нам оставалось делать! Мы за два-три дня убирали урожай, а Тумбины до поздней осени возили хлеб. И не только пшеницу и кукурузу, но и овес и ячмень: все рожала их земля, все они имели, у них блеяли овцы и мычали коровы, звенели колокольцами буйволы, ржали кони. Я смотрел на все это, и мне было тяжко.

Когда мы кончили пахать, дядя Стоян ответил мне:

— Декрет — это, как бы тебе сказать, закон о земле...

Я стоял и смотрел на него так же жадно, как солдаты и крестьяне на той фотографии в газете.

— Декрет о земле — это то, что сделал Ленин в России для бедняков, таких, как мы. Забрал землю у богатых и дал ее бедным. Это называется декрет. Понимаешь? Закон, новый закон о земле. Чьей она должна быть? Тех, кто захватил ее еще во времена турецкого ига и создал целые «государства», или тех, кто вроде нас мучается

на этих камнях? Надо уничтожить гадюк, чтобы жить хорошо!— рассерженно сказал дядя Стоян и перевел взгляд с Громады в сторону «государства» Тумбиных.

Иногда я один ходил на наше поле. И думал о том, что сказал мне дядя Стоян. «Декрет о земле! Декрет»,— повторял я. И все крестьяне и солдаты, взбунтовавшиеся и голодающие во время войн, всплывали у меня перед глазами. Пусть придет эта буря к нам, пусть перевернет землю и переменит все у нас. Пойдем мы, и Цаневы, и Попарковы, и Цифарковы и завоюем «государство» Тумбиных. А они пусть переходят сюда, на Громаду. Лучше этого ничего не могло и быть. Эх, как я хотел провести волов по этой ровной земле! Огромные, белые, как облака, волы шли бы за мной, дядя Стоян нажимал бы на тяжелый плуг, а земля под плугом разворачивалась бы и радостно блестела на солнце.

Мы идем: я, дядя Стоян; коровы спотыкаются о камни, искры вылетают из-под плуга, мы идем и молчим, бросаем зерна в тощую, сухую землю. Бросаем зерна, опустив головы. Из глаз катятся слезы. Идем и молчим, опустив головы, как на похоронах.

«Декрет, декрет»,— повторял я. И опять поднимал голову, и меня опять охватывала эта жажда бедняка сесть на телегу, засыпанную доверху крупной, как кизил, пшеницей, почувствовать ее запах, ее прохладу, зарыться в нее и утонуть в ней целиком. Я загребаю полными пригоршнями и жую сырую пшеницу.

Декрет! Велик тот человек, кто выдумал его. И я бежал к дяде Стояну.

— А кто написал декрет, дядя Стоян?

— Ленин! Владимир Ильич Ленин!

— Ленин!— шептал я потрескавшимися от суховеев губами. Такого имени я не знал. Это имя я слышал впервые. И оно, как и слово «декрет», было новым. А я хотел многое узнать. Мы сели с дядей Стояном, я склонил усталую голову ему на плечо и ждал.

Я не мучил дядю Стояна, он сам с удовольствием рассказывал мне все, что знал, простыми словами, чтобы я понял то большое, что сделал Ленин для крестьян России. И я его понял и зажил этим новым. Я спрятал его в своем сердце, как драгоценный камень, который блестел, он был лампочкой, которая светила и грела мою душу. Не знаю почему, но всегда, когда мы приходили на Громаду, я чувствовал, что это слово звучит во мне. «Декрет, декрет, декрет!» — кричало оно, когда мы выбирали камни.

— Папа,— не вытерпел я, когда отец прилег отдохнуть, а я остался охранять его от гадюк.— Папа-а, я знаю, что такое «декрет».

— Гм! Этот твой дядька Стоян сам не знает, что говорит,— мотнул головой отец и пошел.

А я за ним:

— Если декрет до нас дойдет, то мы займем «государство» Тумбиных, а они придут на Громаду.

— Посмотри лучше на себя,— взглянул он на мои ноги,— посмотри, какой ты ободранный, и думай о лаптях, а не о гамашах богачей.

— А декрет, папа, принесет мне и гамаши.

— Иди-ка лучше верни коров, а то они отправились к лугам Тумбиных, и на нас составят акт.

Я побежал, босой, колючки впивались в ноги, но мне не было больно. Мне казалось, что я в гамашах. Гамаши... Мало людей их видело. В нашем селе только у Ламбо Тумбина они есть. Он надевает их, когда идет в церковь. И мы смотрим на его гамаши и не слушаем, о чем поет поп. Они желтые, с ремешками, высокие. Мне так хотелось разрезать по одному ремешку, чтобы посмотреть, что получится. Упадут ли они с ног и останется ли босиком Ламбо Тумбин. Мне очень хотелось, чтобы они свалились с его ног. И чтобы их кто-нибудь схватил, если я не успею, а тот, подняв голову к распятию, держа в руках большую свечу, когда кончится литургия, увидел бы, что он босой. И все бы закричали: «Ламбо Тумбин босой!» Я вернул коров, и все мне казалось, что я обут в блестящие гамаши с ремешками. И мне было хорошо, очень хорошо, не потому, что я наконец был обут, а что Ламбо Тумбин босой. Когда мы начали работу и я увидел на своих ногах царапины и кровоподтеки, я понял, что босой-то я.

— Папа-а-а,— крикнул я,— ты знаешь, кто издал декрет?

— Кто? — встрепенулся отец.

— Ленин! И знаешь, что за это в него стреляли?

— Кто?

— Да... вроде Тумбиных,— ответил я, потому что не знал точно, кто стрелял в Ленина.

— Слушай, ты уже рехнулся! Где Тумбины, а где Россия.

— А-а, знаю, знаю. Ты считаешь меня маленьким, а я еще не то знаю.

И так как отец не любил спрашивать, я сам рассказал ему все, что узнал от дяди Стояна. И рассказал это залпом, будто я сам был там и видел все своими глазами. Это было не много, но мне казалось, что я знаю тайну, которую никто из моих сверстников не знал. Отец молчал, но я чувствовал, что он впитывает все с удовольствием. Не потому что я говорил ему что-то новое. Когда я ему рассказывал, то заметил, что он лучше меня знает все это.

«Это не для вас,— говорил он,— вы делайте свое дело. Пусть все идет, как шло до сих пор, есть кому переделать мир». Это я слышал не раз, когда он разговаривал с дядей Стояном и с мамой. Это была его философия. Работает, как вол, все видит и понимает, умный человек, ничего не забывает, рассудителен, взвешивает и свои слова и дела, не вмешивается в то, что его не касается, а изнутри, как порохом, заряжен. Ждет, когда другой зажжет искру, тогда и он взорвется.

Я знаю его, неважно, что я маленький. Я понял, что он за человек. Он это делает из любви к нам, чтобы не причинить нам неприятностей. А когда село всколыхнется, он не может не быть со всеми.

— Дядя Стоян сказал, что он уже к нам идет.

— Кто?

— Декрет... Раз он идет из России, то придет.

— Вы на Россию не смотрите... Россию в календаре рисуют, как медведя! Ее ничто не свалит...

— Ты увидишь, и к нам декрет придет... Дядя Стоян...

Однажды я заметил, что дядя Стоян принес оружие. Если не для декрета, то для чего же еще оружие! Я понял, что то, о чем мне говорил дядя Стоян, произойдет. Декрет уже подходит к нам.

И однажды ночью, когда мы уже спали, раздались выстрелы. Я испуганно вскочил и бросился на улицу. Там я увидел, что около дяди Стояна собрался целый отряд с пистолетами, ружьями и со знаменем.

— Видишь, папа, декрет пришел!

— Ты иди домой и ложись спать!— Отец хотел шлепнуть меня, но не смог, потому что я отскочил.

В эту ночь я не спал. Мне казалось, что они ушли встречать Ленина, что он сам идет из России, чтобы передать нам декрет о земле. Идет с солдатами, которых я видел в газете, с крестьянами и рабочими, на пароходе. Пароход останавливается на Черном море, а может, оттуда по Дунаю до Лома дойдет: это ближе всего к нам. До Лома целая ночь пути. А утром уже у нас. Ведет их дядя Стоян... Мне не сиделось дома. Ведь я так долго ждал этого дня.

...Вооружившись палкой, я перешел границу, которая отделяла наше поле от «государства» Тумбиных, так что никто меня не заметил. И вошел туда, как на свою землю. Тумбины никому не давали ступить туда. Охраняли, как стражники, межи, чтобы кто-нибудь не осмелился скосить немного сена на их лугах или, идя по дороге, не срубить дерево в их лесах, захватить их скотину, приблизиться к маслобойне. А у них была большая маслобойня, делали целые бочки брынзы, наполняли горшки маслом, а сыворотку давали свиньям. Редко кому из батраков удавалось вымолить за плату котелок сыворотки и отнести его детям. Я очень часто пробирался к маслобойне, чтобы припасть к бурдюку и напиться этой кислой и вкусной сыворотки. Но на меня набрасывались собаки, как волки. А в эту ночь шел декрет... и я ничего не боялся. Я с палкой вошел в «государство» Тумбиных. Пшеница была рано убрана, потому что в этом году Ламбо Тумбин привез жнейку и молотилку, но кукуруза была еще не собрана. Початки били меня по рукам. Отрываю один, засовываю его в карман и бесстрашно иду дальше. «Они наши, чего мне бояться. Все это уже наше». Я дохожу до амбаров, где сквозь щели белеет еще прошлогодняя кукуруза. «Это наша»,— говорю себе. И в это время меня учуяли собаки, со всех сторон несутся ко мне. Белая луна выдает меня. Они разорвут меня. Выходит сторож.

— Кто тут?

Но я машу палкой. Я знаю, как защищаться от собак. Замахнусь палкой и присяду. Они думают, что я поднимаю камень, и разбегаются. Тогда я отскакиваю в сторону, а они опять кидаются на меня и хватают зубами палку. А сучка Шарица вывела своих щенят, чтобы они лаяли на меня. Еще не стоят как следует на лапах, но тявкают.

— Прочь!— закричал сторож и разогнал собак.— Что случилось?

— Свершилось!— говорю.

— Что случилось, чего ты шляешься среди ночи? Может, с отцом или братом что... пострадали?

— Ты что, не слышал выстрелов? Свершилось, пришел!

— Кто пришел?

— То, что мы столько времени ждали из России.

— А что это?

— Декрет.

— Ничего не понимаю.

— Иди за мной и поймешь.

Тумбиных не было. Сторожа пошли за мной. Они, видно, поняли, что случилось. Пастухи просыпались и, полусонные, шли за нами.

Мы подходим к маслобойне. «Чего вы ждете, дядя Деко, дядя Горан, дядя Цоло, берите, ешьте, пейте, это уже наше, ваше! С Тумбиными покончено. Мы и вы уже хозяева. Идите и теперь же ночью возьмите себе сколько хотите земли! На окрестных холмах загораются огни, слышны выстрелы. Ленин идет! Несет в своих руках декрет, как зарницу». И все делают то, что он им говорит. Берут себе волов, кому какой нравится, за которыми они ходили, как за своими, и землю режут стальные плуги. А я беру двух коней, чтобы обогнать всех. И первым отрезаю от хорошей земли Тумбиных на семь человек, на нашу семью по полю. Столько нам хватит. Больше не хочу. Только еще одно — гамаши Ламбо. Ничего, что они мне широки. Я натяну их, чтобы все меня видели. И в гамашах я вскакиваю на гнедого коня, на котором Ламбо ездил от села до поля, чтобы принести радостную весть домой.

Это было моим восстанием. Этой ночью я вступил в «государство» Тумбиных и осуществил на деле Декрет о земле. Но на короткое время. Через несколько дней дядю Стояна посадили в тюрьму вместе с его товарищами, которые поднялись в ту белую ночь, некоторых били посреди села палками, а других убили. Декрет, который я объявил, был только видением. Вместо того, чтобы нам взять хорошую землю Тумбиных, через некоторое время они отобрали нашу землю в Громаде. И устроили там сторожку для своего хозяйства. А мы остались неимущими в ожидании прихода настоящего декрета.

Перевел с болгарского
А. Опульский.

ВОРОНЕНЫЙ ЯКОРЬ

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора.

В капитанской каюте «Зины Портновой» на столе судовые документы, пепельница с дымящейся сигаретой и... таблетки анальгина. Капитан Сорочанов поднимается мне навстречу, протягивает руку. Лицо его — худое, бледное — не свидетельствует о крепком здоровье. Но веселые искорки в серых глазах говорят о мужестве, воле, о том, что человек этот умеет побеждать недуги.

Вот я и встретился наконец с капитаном Сорочановым. Встречи с ним я искал уже давно. Искал, потому что знал о судьбе Георгия Константиновича, судьбе нелегкой, но завидной. Знал, что он был похоронен заживо, знал, что еще в детстве овладела им одна всепоглощающая страсть: любовь к морю. Но в любви этой было слишком много разлук. Первая пришлась на июнь сорок первого, когда выпускник морского техникума вместо флотского кителя надел солдатскую гимнастерку и, проучившись полгода в пехотном училище, принял под командование роту ПТР — противотанковых ружей.

В бою у стен Сталинграда гитлеровцы обрушили на роту шквальный огонь. Под свинцовым ливнем сорочановцы остановили несколько танковых атак. Но в живых осталось только двенадцать человек. В конце боя, когда казалось, что все уже кончено, что фашисты остановлены, Георгию обожгло ноги: пулеметная очередь прошила ступни.

Полтора месяца пролежал в госпитале лейтенант Сорочанов. И снова вернулся на фронт. В бою под Богучаром, когда лейтенант поднимал солдат в атаку, его снова ранило. Но он продолжал командовать ротой, пока ручная граната не свалила его в сугроб. Очнувшись, Сорочанов дополз до окопчика и лежал там почти сутки, истекая кровью. Его нашли солдаты, сняли примерзшую к телу гимнастерку, перевязали раны и отправили в медсанбат.

Документы остались в гимнастерке, и люди, подобравшие ее в окопе, посчитали, что лейтенант погиб. Тогда-то и пришел в отчий дом листок «похоронки».

Но Сорочанов остался жив. Одна операция следовала за другой.

— Терпи, моряк,— говорил хирург.

...И вот долгожданная встреча с морем. Это было летом сорок третьего года, когда офицер Сорочанов приехал во Владивосток. Уходил он отсюда крепким, здоровым парнем, возвратился больным, калекой. Левая рука, поврежденная в суставе, плохо повиновалась. Правая безжизненно висела в черной повязке.

Во Владивостоке Георгий Константинович снова попал на больничную койку. Полтора месяца шла борьба за его здоровье. Искусство хирургов распрямило сустав левой руки. Доктор Юлуцкий после многочасовой операции вернул к жизни и нерв правой. «Медленно, очень медленно будет оживать нерв — прямо пропорционально работе»,— говорил хирург.

«Какая же работа лучше всего поможет?» — думал Георгий. Когда-то он неплохо играл на рояле. А что, если... И Георгий с утра до вечера стал музицировать, тренируя неподатливую руку.

Едва Сорочанов почувствовал, что может работать с секстантом, способен делать астрономические и навигационные определения, он сразу же направился в Дальневосточное пароходство. Была у него такая уверенность: «Только в море, на палубе судна я прочно стану на ноги!» Но как убедить кадровиков? Сможет ли? Не смог: в пароходстве ему отказали. Председатель медицинской комиссии и слушать не хотел доводы Георгия Константиновича.

— Какое там море, когда в твоем корпусе два десятка пробоин. Нет, забудь ты о море, найди себе работу на берегу.

Георгий Константинович не отступился. Требовал, умолял, настаивал. Просил врачей заменить вторую группу инвалидности на третью. И все же добился своего. Его взяли на пароход «Кура» вторым помощником капитана.

...Сорочанов прошел все морские специальности, пока в 1960 году его не назначили капитаном «Чукотки». На кителе появился вороненый якорь, обрамленный цепью,— знак капитана дальнего плавания.

Но через семь лет снова приключилась беда. Зашевелился осколок в легком: эхо боев под Богучаром...

После операции капитан Сорочанов вернулся в пароходство, но на сей раз его уже не пустили в море. Георгий Константинович стал командовать подменным экипажем.

В день нашей встречи на теплоходе «Зина Портнова» экипаж Сорочанова нес береговую службу. В каюту к капитану то и дело заходили люди. Георгий Константинович справлялся о погрузке, давал распоряжения по заправке судна водой и топливом, следил за проверкой навигационных приборов, бранился с портовым начальством, срочно требуя каргоплан — план груза. Завтра утром на теплоход придет другой экипаж, который поведет «Зину Портнову» к берегам Вьетнама. И Сорочанов должен сдать судно в полной готовности.

Чисто выбритый, подтянутый, в форменной тужурке, с четырьмя золотыми нашивками на погонах, Георгий Константинович как бы олицетворял собою романтический образ капитана, живущий в душе любого мальчишки. Я наблюдал, как четко, просто, красиво работает он, и начинал понимать, почему капитаны судов, пришедших из рейса, просят на подмену экипаж Георгия Константиновича. Моряки знают: когда на борту капитан Сорочанов, они могут отдыхать спокойно, судно будет отлично подготовлено к выходу в море.

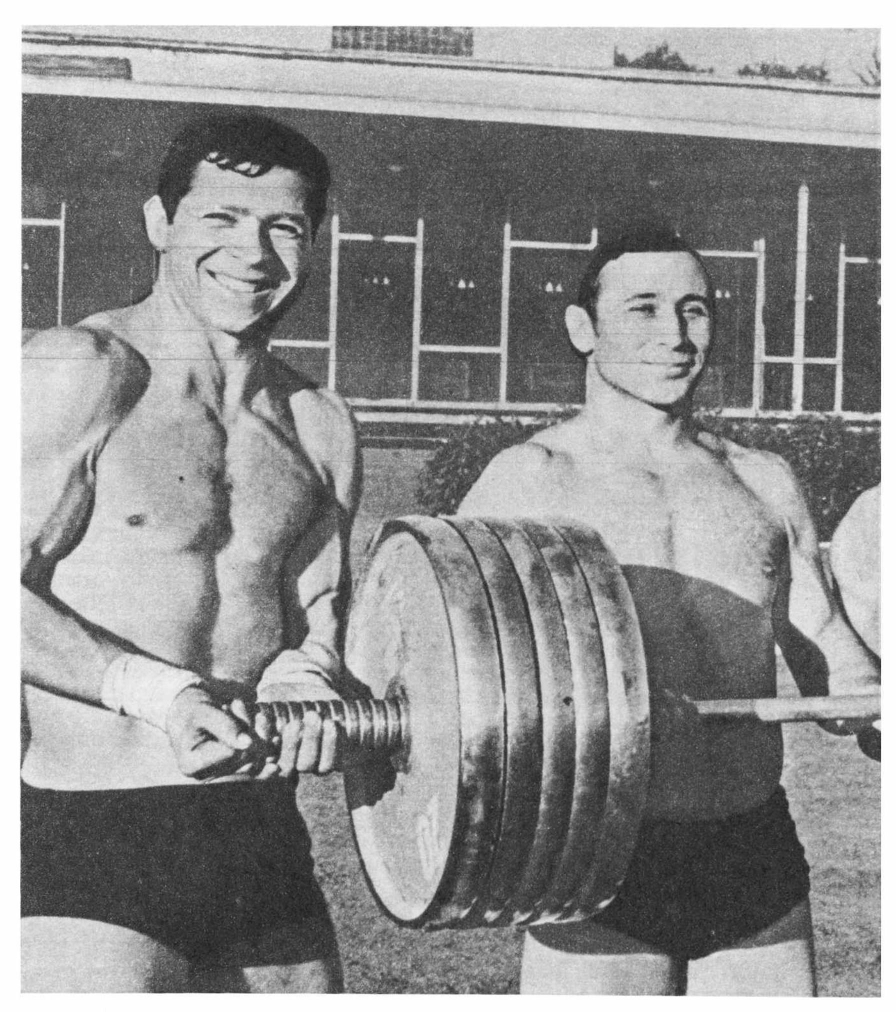
— Сорочанов — капитан с большой буквы,— говорит Валентин Петрович Бянкин, начальник Дальневосточного пароходства.— Он самозабвенно любит море, и любовь эта передалась его сыну: Сергей Сорочанов — штурман нашего пароходства.

Рабочий день близился к концу, когда в каюте капитана появился представитель пароходства. Он вручил Георгию Константиновичу приглашение на торжества по случаю награждения Дальневосточного пароходства переходящим Красным знаменем Министерства морского флота СССР. И я сразу вспомнил другое приглашение, которое показывал мне Георгий Константинович, приглашение на праздничный вечер, где капитану Сорочанову должны были вручить орден Октябрьской Революции.

...Уже стемнело. Георгий Константинович сошел с борта теплохода, но домой отправился не сразу. Сначала пошел на пароход «Севзаплес». Тут у него давние друзья, да и вообще с этим стареньким судном связано многое: на «Севзаплесе» Сорочанов плавал несколько лет.

Простившись с «Севзаплесом», капитан неторопливо шагает вдоль причальной стенки порта. Рядом, словно приветствуя его, кипит море. Ветер, играя, пузырит тужурку, ласкает усталое лицо под мичманкой, с большим, позеленевшим от времени «крабом». Завтра Сорочанов снова вернется в порт. Он проводит «Зину Портнову» и встретит «Максима Горького». Наступит обычный трудовой день.

А. ЩЕРБАКОВ **Фото Л. Бородулина.**

Богатыри завода.

ЦЕХ ЗД

К главному конструктору «Гомсельмаша» насчет физкультуры? В рабочее время? Уместно ли? Загруженный и скорее всего не очень разговорчивый человек... Сошлется, наверное, на занятость и вежливо выпроводит...

Но все получилось иначе. Когда разговор зашел о спорте, Константин Васильевич Клементьев обнаружил живейшую заинтересованность. Главный конструктор высказывал свой взгляд на проблемы развития спорта на заводе и всячески подчеркивал необходимость бо́льшей причастности к нему руководящего состава. «Я за День физкультуры для комсостава,— говорил он,— проводим же мы День качества и другие «дни».

И скоро я перестал удивляться подобным фактам, каждый из которых сам по себе в заводской жизни весьма примечателен.

За истекшее пятилетие объем промышленного производства на «Гомсельмаше» вырос на 70 процентов, в основном за счет подъема производительности труда. На заводе умеют держать высокий жизненный тонус, думать о здоровье людей, об их настроении, поскольку все это теснейшим образом связано с делами производственными. И это стремление воплотилось в своеобразную форму: появился цех здоровья, который объединил все службы, связанные со здоровьем. Участками этого цеха стали медицинские и детские учреждения, спортивные коллективы цехов и отделов, предприятия общественного питания, культурные учреждения и жилищно-коммунальные подразделения, стадион... Своеобразный конвейер. Конечная продукция — здоровье.

В кабинете с табличкой «Заместитель директора завода по быту, начальник цеха здоровья Н. Ф. Чеботков», если хозяин на месте, всегда народ. Николай Фомич, энергичный, но неторопливый, категоричный, но рассудительный, решает за день десятки вопросов. Нужно побыстрее завезти на турбазу газовые баллоны, главный врач профилактория напоминает, что необходимо ускорить переговоры о доставке с юга целебных грязей, методисты производственной гимнастики требуют приобрести динамики для радиофикации...

— Представляете, — обращается ко мне Чеботков,— прежде со всем этим пробивались к директору. Где же ему успеть? Да, хозяйство моего цеха обширное, и одно из главных мест в нем занимает спортивный клуб. Но о его деятельности вам лучше расскажет его председатель.

Много интересного узнал я из беседы с Григорием Матвеевичем Капланом, председателем клуба. У завода два стадиона, турбаза, лодочная станция, спортивный зал. Для ребят из заводского поселка открыта спортивная школа, а летом специальный спортлагерь. Профессионально-техническое училище, питающее «Сельмаш» рабочими руками, тоже взято «на довольствие» спортивным клубом. В распоряжении фабзайцев и стадион, и зал, и лодочная станция, и тренерский опыт.

А еще из той беседы я узнал о славной бригаде слесарей Леонида Кожемякина. В ней нет непричастных к спорту ребят, тон же задают двое — сам Леня, кандидат в мастера, десятиборец, чемпион области, и Толя Зяблицкий — копьеметатель. Узнал я и об инженере Вячеславе Александровиче Парухове, мастере спорта, тренере-общественнике по городкам. Он недавно отправился в профилакторий, но не отдыхать, нет, строить там городошные площадки. Теперь у Парухова новая забота — он собирается создавать секцию стрельбы из лука. Я узнал о токаре Саше Чистоткине, который ухитряется дважды в день приходить на стадион тренироваться в беге на средние дистанции, о начальнике механосборочного цеха Георгии Алексеевиче Дриго, который защищает честь своего цеха в хоккейной команде. А разве можно рассказывать о цехе здоровья, не повидавшись с Виктором Васильевичем Шишкиным?

Когда Шишкин пришел в инструментальный цех, все сразу заметили, что в любом разговоре у него обязательно «походы», «костры», «палатки»... Сколотил он туристскую группу — как минута свободная, соберутся, маршруты обсуждают, спорят так, что всем вокруг завидно. Застрекотала в красном уголке швейная машинка: палатки шьют, какой-то, говорят, невероятно интересный поход задумали...

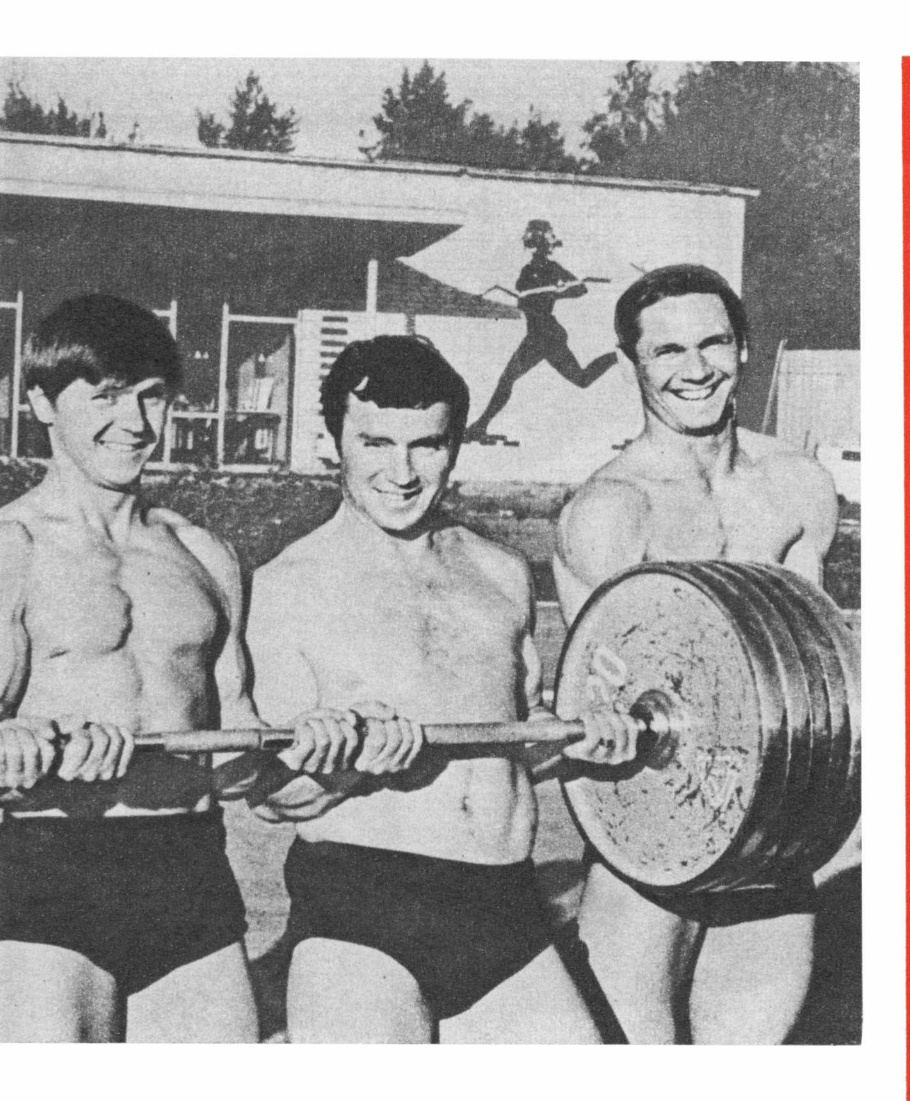
Ходил Шишкин с новыми друзьями на Смоленщину, по местам героических боев. Потом ходили по партизанским тропам Гомельщины, ездили в Киев, в Брест... С того и пошло. Когда объявили, что часть пионерского лагеря оборудуют на зиму для туристов-лыжников, желающих нашлось совсем немного. Шишкин вспоминает то время: «Мы, бывало, как зазывали: «Кто поедет? Кого записать?» Все места никогда не заполнялись. А теперь двести пятьдесят мест — это минимум, и летнюю турбазу впору раза в четыре расширять».

Уйма пожеланий, уйма планов... Скоро откроется бассейн, и уже решено: двадцать групп заполнят его и так, чтобы в графике еще осталось место для ребят подшефных школ и для детсадовцев. Запланировано строительство многоэтажного пансионата в Ченках, а в цехе здоровья уже думают над тем, как организовать там отдых семей.

...У первой смены кончился рабочий день. На заводе, но в цехе здоровья он в самом разгаре. В программе заводской спартакиады баскетбольные поединки. Первыми играют Главный конвейер с Первым механическим. Команду Главного конвейера, конечно, приведет сам начальник цеха Станислав Иванович Прокопенко. Дел у него в цехе по горло, но разве удержится неугомонный Стась, как его зовут товарищи, разве согласится, чтоб команда сражалась без него? Отыграет, отпустит ребят, а сам — в цех, посмотреть, как там справляется вторая смена. На часок. А может, и больше.

Гомсельмашевцы любят бег.

ОРОВЬЯ

Заводской стадион никогда не пустует, и трибуны его — квартиры соседних домов.

ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ: ОТКУДА ОНИ?

К. БАРЫКИН

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Если театр начинается с вешалки, то где начало завода? Такого, как «Красный пролетарий», именитого, прославленного, известного всей стране да и за границей тоже? Где он начинается? С этой вот проходной на Малой Калужской, проходной, которая рано утром распахивает свои двери и до вечера не успевает захлопывать их: и утреннюю смену надо принять, и вторую, и посетителей много. Постукивают двери. Идут рабочие на завод. На ходу о чем-то разговаривают.

— Вчера отправили в малярный два станка — это сверх плана, к празднику!

— Зачет по сопромату сдал?

Разговоришься ли в проходной? Беглый вопрос, короткий ответ. Две-три фразы. И пошел дальше. Теперь вот еще слышна тут по утрам и немецкая речь: на заводе открылся филиал одной из берлинских станкостроительных фирм. Друзья показывают свои станки, учат и учатся. Потому что есть чему поучиться у «Красного пролетария», завода необычного: вроде бы и старик — более ста лет ему, и удивительно молод он — столько задору у его людей, пристально следящих за современными новинками станкостроения. И кажется, будто он только-только родился, завод. Впрочем, он действительно сейчас рождается. Потому что продолжается реконструкция предприятия, а в Черемушках будут строить еще один его цех — специальных станков...

А может, завод начинается с цеха, который все называют «первой сборкой»,— она чаще всего попадает в объектив фоторепортеров. Или с механического, в котором уже идет подготовка к установке нового оборудования, без чего не сделать краснопролетарцам запланированный ими новый станок. Обстоятельно, по-рабочему осмотрительно готовятся здесь к этому. Забот и хлопот в этой связи много. Но краснопролетарцам по силам выпуск любого сложного станка, сейчас этим уже никого не удивишь. А было время в первые годы Советской власти, когда покупали станки за границей. Как-то приобрели американский шестишпиндельный. Присмотрелись и решили: «Сделаем такой же!» «У вас на это уйдет двадцать лет,— уверяли заграничные консультанты.— Выгоднее купить у нас...»

— Всего лишь два года потребовалось на разработку конструкции, на чертежи, на изготовление первого станка,— рассказывает один из ветеранов завода, Георгий Акимович Макарычев.—И оказался он таким хорошим, что многие и многие годы спрос на него был.

Сейчас с завода выходят станки и с числовым программным управлением: любую деталь обработает, любую кривую обточит. Не всякому мастеру такая работа по плечу, разве что виртуозу.

Впрочем, в цехе, куда я иду, чтобы встретиться с бригадиром токарей Виктором Григорьевичем Петуховым, станки не собирают. Цех мелкосерийный, делают тут вроде бы некрупные детали.

— У нас к станкам вытачивают «пуговицы»,— сказал мне один из работников цеха,— те самые, без которых пальто не пальто.

Работает Петухов на «Красном пролетарии» без малого двадцать лет. Знает завод, любит его. Был сначала как все новички, а сейчас — пятый разряд. Девять человек в его бригаде — не только о себе приходится думать.

— А у нас только о себе никто не думает,— замечает Петухов.— Знакомы с Масенковым? Нет? Жаль. Работает — загляденье. Отменный мастер. Как же Масенков будет только о себе думать — не может быть такого!

Меня иногда спрашивают: кто лучший? По-моему, бригада, где все вроде бы работают неплохо, но каждый думает только о себе,— это не бригада, а случайно собранные солисты. Пришли, поздоровались, поработали — один лучше, другой хуже — и разошлись. Бригада же — это коллектив. У нас как? Дают задание. Смотрю, прикидываю: вот эти детали, пожа-

луй, лучше всего пойдут у того же — это я к примеру говорю — Масенкова, а эти, допустим, у Шумилина Анатолия Михайловича. Знаем ведь, кто как работает, у кого к чему больше душа лежит и рука на что настроена. У Масенкова не только золотые руки. У него инструмент особый. Получаем вроде все одинаковый, но Масенков так доведет свой резец, что любой металл точит.

Василий же Алексеевич Саенков не только токарных дел мастер. Он и фрезеровать горазд и строгальщик хороший. Начинаем утром с того, что обмозгуем задание — и за работу. Когда мозгуем? До начала смены — станок проверить, протереть, инструмент разложить, новостями обмолвиться. Это тоже требуется. Бригада ведь...

Петухов помолчал, посмотрел на собеседника — все ли, мол, понятно? И продолжал:

— Спрашиваете: откуда у нас такая экономия материалов, времени? Соревнование... Мы его так понимаем: бо́льшая, чем у соседа по цеху, экономия трудовых затрат на единицу продукции. Понятно? Вот пример совсем недавний. Дали точить детали длиной в сорок миллиметров. А заготовки подвезли пятидесятимиллиметровые. С каждого торца — по пять миллиметров надо срезать. Почему именно по пять? Посмотрели, посоветовались, попробовали взять заготовку покороче, чтобы снимать не по пять, а по два с половиной миллиметра. Получилось.

Пошли к технологам: «Посмотрите, не ошиблись ли вы?» Те посчитали и говорят: «Верно, можно и так». Представляете, металл сберегли, да и времени на обработку стали тратить меньше. И деталь лучше. А ведь качество продукции — зеркало, в которое посмотришь, и увидишь сразу весь завод. Ну, если не завод, то уж цех или бригаду обязательно разглядишь...

Я недавно был в ГДР, ездил тоже на станкостроительный, «Марцан» называется. Наши заводы дружат, а значит, и соревнуются. Выступал я там с небольшим сообщением. Говорю: план выполняю на сто пятьдесят процентов. А мне встречный вопрос: откуда же берутся плюс пятьдесят процентов?

И в самом деле, откуда? Когда работаешь, когда к концу смены узнаешь, что дал пятьдесят процентов сверхплановых, не всегда задумываешься: как же это так получилось? А вот когда спросили друзья, начал анализировать не только свою работу, но и труд товарищей: раз можно увеличить выработку, значит, есть резервы? Ведь в план закладываются возможности не самых квалифицированных работников, берется средний показатель. Для отстающих он вроде стимул, рубеж, к которому следует тянуться. Для более умелых — тоже рубеж, от него идти дальше. Вот так я и объяснил. И показал, что это за резервы...

У меня на «Марцане» друг работает, тоже бригадир — Хорст Гурк. Молодцы у него в бригаде — работают ловко, чисто. Больше всего мне понравился порядок. Во всем порядок — во время работы лишнюю сигарету никто не закурит: мешает, говорят, курево. Очень чисто в цехе. А у нас иногда и обтирочные концы можно увидеть: вытер станок — полетела тряпка на пол. Понимаете, к чему я это клоню: всегда есть чему поучиться. И в такой вот учебе тоже скрыты те резервы, которые может выявить соревнование.

...Рядом с нашими станками стоят станки бригады Германа Сергеевича Аркадьева. Мы с ним соревнуемся. Отставать от аркадьевцев вроде бы не хочется, а обогнать их трудно. Но становишься за станок и думаешь: не уступлю. Такой азарт, если он на расчете основан, делу помощник. Работаешь сноровистее, четче. А когда все же отстанешь — дело житейское, бывает,—знаешь, что помощь подоспеет. Откуда? От соперников... Да, да, от соперников. Так у нас заведено. И это соревнованию не мешает, наоборот. Ведь соревнуемся не только мы с Аркадьевым, соревнуется наш цех с другим, а весь завод — с ленинградским станкостроительным объединением.

Думать приходится не только о себе...

Петуховцы открыли для себя секрет особого мастерства, которое сродни высокому творчеству. А ведь это не простое дело — быть не только мастером, но и творцом. Радость творчества приходит не ко всем, а если и ко всем, то не сразу.

Петухов это доказал... Потому ему и почет. Так и сказали его товарищи, когда на заводе узнали о награждении бригадира токарей В. Г. Петухова орденом Октябрьской Революции. Кто-то сказал Петухову:

— Считай себя дважды орденоносцем: ведь работаешь на заводе, который тоже получил орден Октябрьской Революции!

— Я так и считаю. Но это не я дважды награжденный — вся бригада.

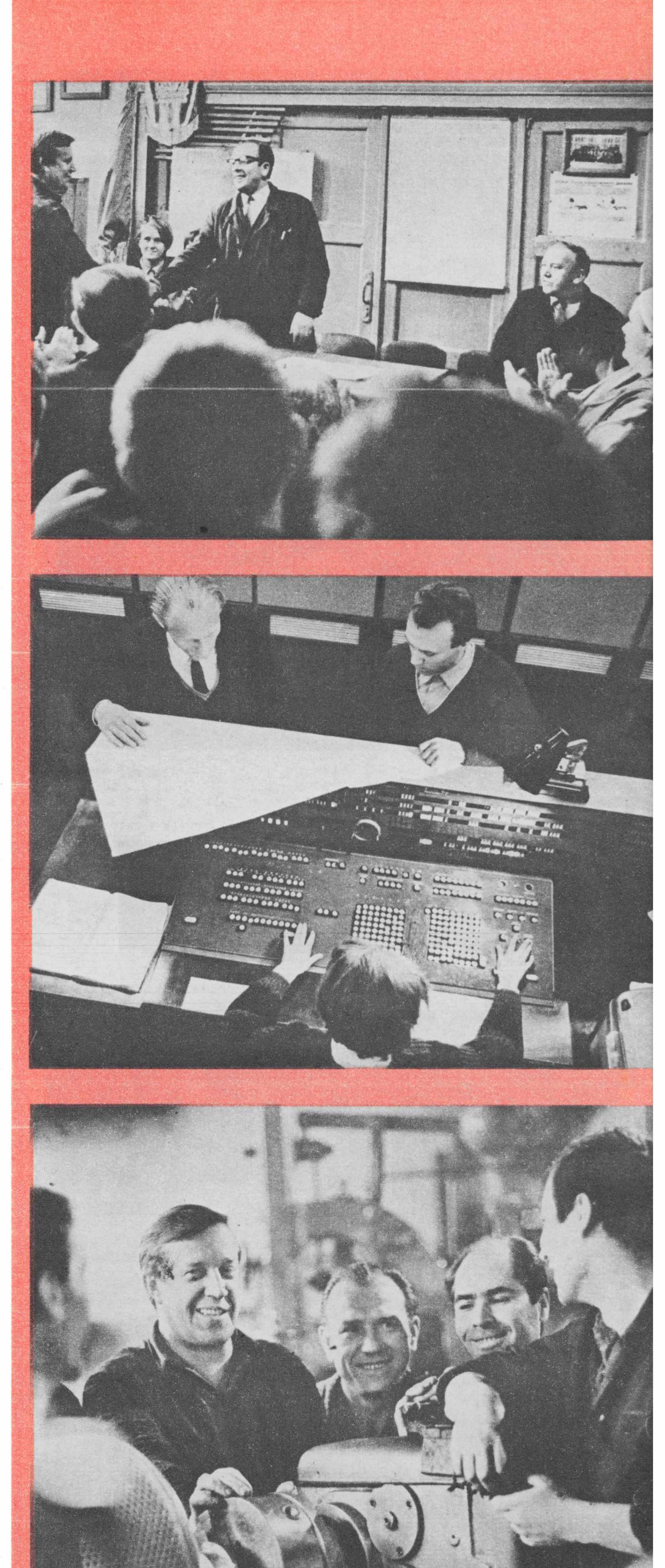
Так и говорят иногда о петуховских токарях: дважды ордена Октябрьской Революции.

...«Красный пролетарий» работает очень напряженно. В нынешнем пятилетии коллективу предстоит увеличить выпуск продукции в полтора раза, освоить еще более современные станки.

Краснопролетарцы помнят: на знамени завода три награды. Рядом с орденами Ленина, Трудового Красного Знамени — орден Октябрьской Революции.

Они свято берегут честь орденоносного предприятия. Старые и молодые. И я снова вспоминаю свой разговор с Петуховым, с его товарищами:

— Мы — с «Красного пролетария», с нас спрос особый...

Красное знамя вручено!

В вычислительном центре завода.

В. Г. Петухов и его бригада.

На конвейере — станки с эмблемой «Красного пролетария».

Вот оно, золотое руно Тянь-Шаня.

ПО ДОРОГЕ, ИДУЩЕЙ ВВЕРХ

Н. ХРАБРОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА
Специальные корреспонденты «Огонька»

◀ **Молодые трактористы колхоза «Джаны-Талап», Киргизской ССР (справа налево): Азамат Эсеналиев, Бердибек Сапанбаев, Кыдык Джумаев, Самарбек Ырсалиев.**

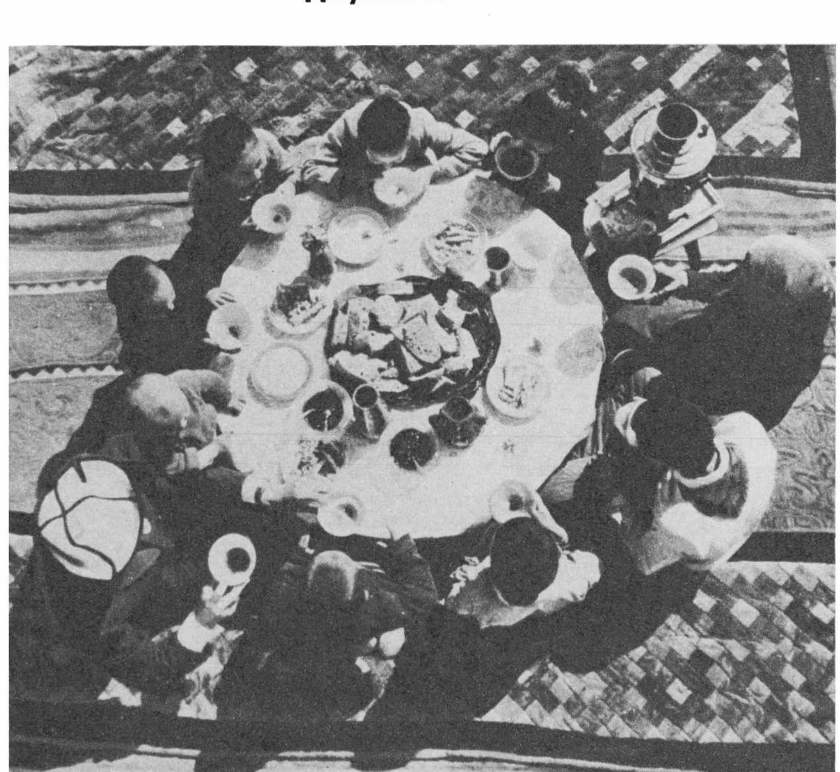

Ночью собаки взлаивали и царапали брезент палатки. Абдыкадыр мгновенно просыпался и с удивлением выглядывал наружу. Но там было спокойно. Там, как всегда, белым холодным накалом полыхали в небесной черноте близкие и частые звезды, и от снежных вершин шел голубой свет. Только вот овцы спали не по-летнему, не поодаль друг от друга, а бок к боку: начались ночные холода. Абдыкадыр понял — собаки почуяли приближение осени, услышали ее неслышные шаги.

Холодно было и на рассвете. Улкан, жена, накинула шубу, обошла отару, вернулась и молча улыбнулась — значит, все в порядке. Абдыкадыр вышел из палатки, вскочил на коня. Звезды медленно гасли, чуть золотилось небо за

Утренний чай в семье тракториста Кыдыка Джумаева.

Далеко от Фрунзе Джаны-Талап, но артисты Киргизского академического театра драмы добрались и сюда.

хребтом Сары-Джон. Овцы тотчас поднялись, принялись отряхиваться, ущелье наполнилось их дрожащими голосами, совершенно не соответствующими сильным мускулам, густой шерсти, крутым лбам — признакам крупной выносливой тяньшаньской полутонкорунной породы. Абдыкадыр пригнулся к гриве коня, проскакал вокруг отары и погнал овец на склон, уже чуть согретый солнечными лучами. Об овцах он думал, как о людях. Человеку ведь хочется после холодной ночи погреться на солнце? Вот и овцы пусть погреются. А станет к полудню жарко — погонит их на затененный склон или в долину прозрачной речки Борулю-Асу, где еще остались от лета кочки крепкой зеленой травы. Осень еще не пора овечьих снов, еще вкусна и питательна главная трава тяньшаньских джяйлоо — бетеге, и хороша еще трава швак и трава таана. Надо овцам ходить и ходить, жевать и жевать. И они ходят. Спокойно, ловко переступают по склонам, поднимаются к вершинам, и Абдыкадыр с ними. Он останавливается на круглой каменной высоте. Выше только джяйлоо в долине Арчалы-Су, где пасутся яки и верблюды.

Еще выше — вечные снега. Здесь, между уступчатым хребтом Тектир-Саз и Сары-Джон — желтым хребтом, родное нагорье Тешик. Здесь даже дно ущелий — большая высота, здесь от ног твоих и от твоих зениц в неоглядные дали расходятся могучие сдвиги и складки земли — хребты Тянь-Шаня. Где-то там, в заоблачных снежниках, рождается река Нарын — начало великой Сыр-Дарьи. Абдыкадыр стоит на вершине, смотрит на хребет, на овец, на долину, на дороги в головоломных скалах, по которым ходят автомобили и привозят на джяйлоо все, что нужно человеку и его овцам. Он думает о пастбищах, о предстоящей зимовке. Мысли его неспешны и обстоятельны. Но вот послышался стук подков. Это Уулкан приехала, привезла горячий обед. И еще привезла последний номер журнала «Ала-Тоо» и газеты, только что доставленные библиотекарем Махмудом Арпачиевым с зимовки Каратал-Джапарык. Абдыкадыр много лет подписывается на «Ала-Тоо» и привык прочитывать каждый номер от корки до корки. Но сегодня он не спешит разрезать журнал.

— Ты побудь с отарой, Уулкан, я съезжу на купку.

Стоя на вершине, он видел, как на купку, то есть к запруде, где в дезинфицирующих растворах купают овец, подошел «газик» Мукаша Абдыкадырова, парторга, и неспешно проехали верховые — старики пенсионеры, помогающие чабанам во время отъема подросших ягнят от маток. Когда Абдыкадыр спустился в долину, там шел разговор: Мукаш и старики сидели кружком на корточках, и парторг, новый в колхозе человек, слушал рассказ старого коммуниста Джакыпа Джумалиева.

— Это хорошо, Мукаш, что ты был раньше учителем,— говорил Джакып,— я уважаю учителей. Помню, в годы моей молодости ходил по тропам желтого хребта учитель и коммунист Исмаил Монкоев, агитировал нас за колхозы. Мы были измучены жизнью и нищи, как все в нашем нагорье среди ветров и морозов. А Исмаил говорил: будете жить сообща и богато, автомобили будут у вас, и тракторы поднимутся высоко в горы. Откуда он все это знал? Такого еще не было на земле, а он рассказывал о нашей теперешней жизни так, будто видел ее своими глазами. А было это более сорока лет назад, в самом начале коллективизации. Вот сидят Капар Максутов и Курманакун Токто-Назаров. Ты должен знать, Мукаш, что мы были самыми первыми колхозниками и нам первым пришлось соображать, как надо работать в колхозе. Я был бригадиром с 1929 по 1931 год. А потом колхоз распался. Старая жизнь как бы вернулась и отомстила нам за отступление. И тогда мы покинули зимовье, перешли на другое место и, никого не спросясь, стали опять организовывать колхоз. Семьдесят овец привели с собой. От тех семидесяти и пошли наши теперешние девяносто тысяч голов. Э, нет, не от тех. Те были простые. Эти научные, элитные... Тогда секретарь райкома Джан Джамангулов приезжал к нам, говорил речь: «Хорошо, что вы за колхоз, что стремитесь к новой жизни». И мы решили назвать новый колхоз «Джаны-Талап», что значит «Стремление к новому».

Абдыкадыр все это не раз слышал и от своего деда и от отца,— они тоже в самом начале вступили в колхоз. Первые шаги колхоза «Джаны-Талап» совпали с детством Абдыкадыра. Он рос, и зимовье Кизил-Джилдыз, где родился будущий чабан, становилось большим селом со школой-десятилеткой. Зимой он ходил в школу, а каникулы проводил с отцом на джяйлоо.

После окончания девятого класса Абдыкадыр вдруг сказал отцу:

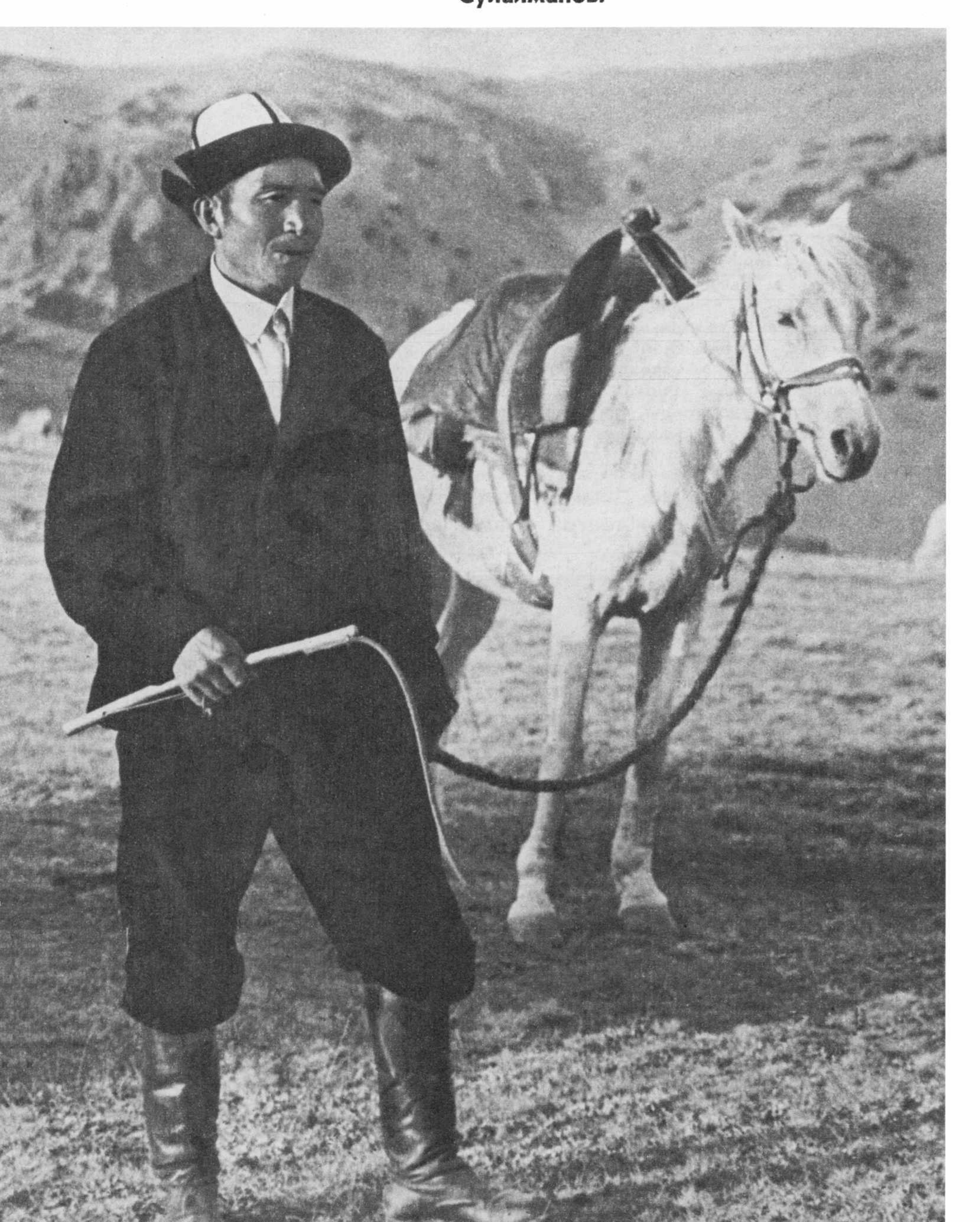
— Я хочу уехать из дома. Что я вижу здесь, кроме овец и гор? Пойду работать на рудник, там хорошо платят.

Отец помолчал, согласился:

— Конечно, что ты видишь здесь, кроме овец, вечных снегов, неба, восходов и закатов, пастбищ и бесконечного простора? И заработки тоже пока плохи, это верно. На руднике ты заработаешь больше. Но прежде чем уйти, помоги мне. У меня большая отара, я разделю ее пополам, и вторую половину будешь пасти ты. Потом я уйду на пенсию, а ты уедешь.

Отец так и поступил. Их юрты стояли в соседних ущельях, и когда овцы занимались своим главным делом, отец и сын поднима-

Не так уж часто слезает с седла чабан Абдыкадыр Сулайманов.

лись на одну вершину и вставали так, чтобы были видны обе отары.

— Мне никогда не надоедает пасти овец,—говорил отец,—смотреть, как они растут, как густеет шерсть, как крепнут здоровые ягнята. Шахтер дает руду, а я — мясо и шерсть.

Абдыкадыру шел двадцатый год, и он был весь в сомнениях: не слишком ли простые истины говорит отец? А может быть, это простота мудрости? Но об отъезде он уже не думал. Было это двадцать один год назад. Три года Абдыкадыр работал рядом с отцом. На четвертый отец опять объединил их отары в одну. Он жил с женой и детьми на высотах и лишь изредка спускался в Кизил-Джилдыз, в яркий и теплый мир долины. Поселок все строился и хорошел. Дети в белых воротничках и красных галстуках бегали в школу. Мальчишки взрослели, становились трактористами, шоферами, механиками, получали награды. Бригады строителей поднимались в горы, строили теплые кошары и домики для чабанов. В поселках вырастали длинные новые улицы с водоразборными колонками, в домах появился электрический свет, а вслед за ним телевизоры и холодильники. Все это стало обычным. И продолжает быть необыкновенным и удивительным, потому что происходит в самом центре Тянь-Шаня, про который когда-то вся ученая Европа думала, что это скопище неприступных огнедышащих гор.

В колхозе были перемены. Отстранили от работы председателя, который гораздо больше, чем о благе общественном, заботился о благе собственном. Избрали бывшего главного бухгалтера Эсеналы Дайракунова. Говорили на собрании, что новый башкарма характером тих, но учен и доказал, что откроет науке дорогу в колхозное производство. Молодых парней по колхозным путевкам отправили в университет и в институты. Они вернулись домой грамотными агрономами, ветврачами, экономистами.

Председатель подолгу сидел над газетами. Прочтет о чем-нибудь новом, интересном и сразу прикидывает: «А у нас как?» Каждую строчку примерял к своему колхозу. Особенно радовался, когда узнал, как повсюду взялись за улучшение кормовой базы. Пастбища ведь не резиновые, их не растянешь. Выход один — строить хорошие зимовья и запасать корма на все четыре белых месяца.

И вот зацвели на плоскогорьях тысяча двести гектаров сеяных многолетних трав, вокруг животноводческих помещений выросли высокие крепости из тяжелых зеленых кирпичей прессованного эспарцета и люцерны. В зимние месяцы овцы ежедневно получают концентраты. С такой подкормкой не страшен и гололед.

Три главных показателя рассказывают нам о труде чабана: количество ягнят на сто овцематок, годовой настриг шерсти и сохранность поголовья. Вот как работал Абдыкадыр Сулайманов в восьмой пятилетке: в 1966 году каждые 100 овцематок его отары дали колхозу по 105 ягнят, и это считалось большим достижением. По 3,1 килограмма шерсти настригли с каждой овцы. Сохранность поголовья составляла 98 процентов. А вот первая осень девятой пятилетки — 146 ягнят от 100 овцематок, шерсти — по 3,5 килограмма, а сохранность поголовья — 99,5 процента. Вместе с другими чабанами Абдыкадыру Сулайманову было присвоено звание заслуженного мастера овцеводства.

А прошедшей весной было на Тянь-Шане большое событие. За высокие итоги пятилетки колхоз «Джаны-Талап» был награжден орденом Октябрьской Революции. Получил этот орден и председатель колхоза Эсеналы Дайракунов. И три лучших чабана, среди которых был Абдыкадыр Сулайманов.

Орден Абдыкадыру вручили в мае. На джяйлоо стояли горячие дни, и он только на короткое время заехал домой, опасаясь, что отец непременно напомнит ему тот разговор про рудник. Но отец, кажется, забыл его. Он тоже приколол свой орден Ленина и показывал своему приятелю новенький «Москвич-412», которым колхоз премировал Абдыкадыра. Вокруг отца вилась самая младшая сестренка, родившаяся на перевале Долон и поэтому названная Аашугуль — Цветок перевала. Отец поздравил Абдыкадыра и спросил:

— Как ты нынче работаешь, сынок? Не устаешь? Здоровье не подводит?

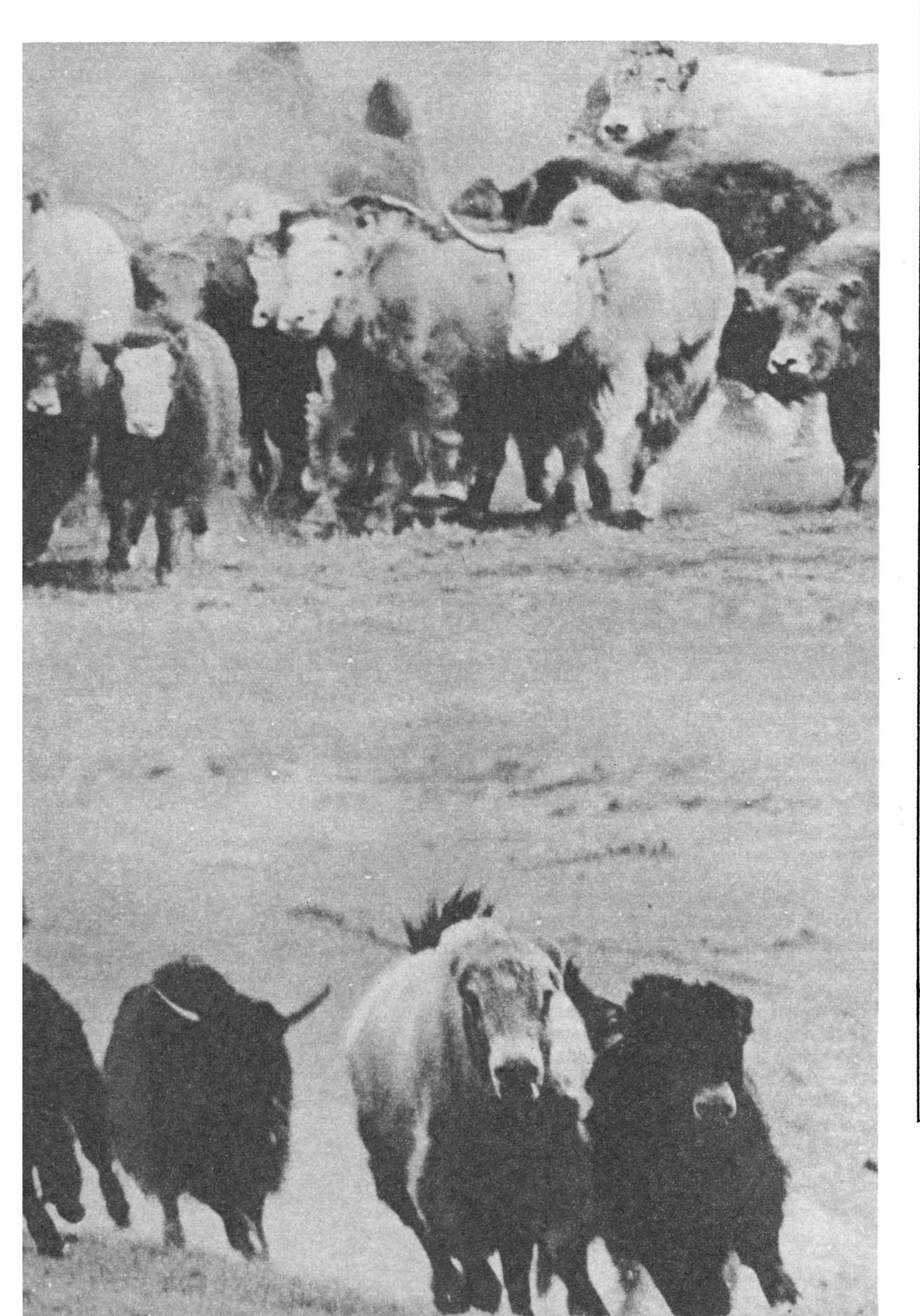
— Нет, отец, мне наверху хорошо и легко,— ответил Абдыкадыр.

— Это мне приятно знать. Не уставай, сынок.

* * *

Носятся по желтым, выжженным высокогорьям Тянь-Шаня острые синие ветры. Скоро Абдыкадыр Сулайманов покинет скалистые вершины Тяшика, покрытые сейчас рыжими и зелеными пятнами цветущего каменного мха. А пока он ездит по склонам и неотступно думает о том, что овец становится все больше, а пастбищ, следовательно, все меньше, и что на следующем партийном собрании надо будет сказать не только об улучшении поголовья, но и о дальнейшем расширении кормовой базы. Ну что ж, древние травы бетеге, швак и таана, спасибо за службу, теперь у вас будут хорошие, сильные помощники — многолетние травы. Много будет их внизу, на плоскогорьях. Этого требует жизнь, наука. И джаны-талап — стремление к новому, вместе с революцией поселившееся на Тянь-Шане.

На пастбище вышли яки.

Кубанычбек **МАЛИКОВ**

УТРО В ГОРАХ

Не совсем пробудившись от сна,
В полудреме вершины, как дети,
А над ними, как чаша, луна
Серебрится в предутреннем свете.

В золотую парчу облачась,
Свой наряд они сбросили старый.
Вот и козы проснутся сейчас,
И глаза приоткроют архары.

Им неведомы дымы костров
И дыханье пустынного зноя,—
Только трав они знают покров,
Первозданную прелесть покоя.

Не страшны им зимой холода,
Не боятся с охотником встречи,
И лишь небо поймет без труда
Их забытое нами наречье.

И не только в горах пешеход,
Но приходит в восторг даже птица,
Увидав, как пылает восход
И цветочная свежесть струится.

О, не гасни, заря, среди скал,
О, сияй этим птицам и травам,
Чтобы стих на вершине звучал,
Должен быть он, как ты,
величавым.

Если б стал я нагорной рекой,
Если б доля скалы мне досталась,
Не хотел бы я жизни другой,
Может быть, не пришла бы и
старость.

Здесь, в горах, обитают цветы,
Человечьих не зная ладоней,
Реют звуки такой чистоты,
Что становишься сам окрыленней.

По тропе, где деревья сплелись,
Поднимусь и на камень присяду...
Озари меня, горная высь,
Животворную дай мне прохладу!

Перевел с киргизского
Семен Липкин.

Н. Т. Сизов

СНИМАЕТ «МОСФИЛЬМ»

Крупнейшая киностудия страны «Мосфильм» — огромное творческое предприятие... На производственных площадках, в павильонах идет съемка, воплощаются художественные замыслы, масштабные, жизненно важные темы и проблемы...

Корреспондент «Огонька» обратился к заместителю председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, генеральному директору киностудии «Мосфильм» Николаю Трофимовичу Сизову с просьбой рассказать о том, что характеризует сегодняшнюю деятельность студии; познакомить читателей журнала с новыми, наиболее крупными, подготавливаемыми к выпуску кинопроизведениями.

— Главным для всех нас,— сказал Н. Т. Сизов,— безусловно, стал тот пафос, оптимистическое утверждение красоты и благородства советского человека, его замечательных деяний, которым были пронизаны исторические решения XXIV съезда КПСС, касающиеся не только проблем литературы и искусства, но, шире, всей духовной жизни советских людей.

После съезда вся идеологическая работа партии поднялась на новую ступень, решительно требуя от нас новых выразительных средств, новых форм, новой активности в изображении героя, который творит историю, строит коммунизм, украшая землю своим трудом, защищая мирную жизнь от ужасов войны и порабощения...

Надо ли объяснять, каков он, этот герой? Думаю, что наши читатели и зрители хорошо его знают, поскольку все лучшие произведения советской кинематографии — в том числе и многие картины студии «Мосфильм» — неустанно воспевали этого героя, борца и труженика. Хотя и среди лент «Мосфильма», к сожалению, были произведения серые, унылые, соответственно и на экране показывавшие вместо подлинного героя человека тусклого и унылого, неспособного вдохновить зрителей, зажечь их своим примером...

Самое массовое, самое популярное и любимое народом искусство кино считает первостепенным своим долгом творческую помощь советским людям в решении задач, поставленных XXIV съездом партии; и наша студия также стремится в этом именно направлении строить всю свою работу.

Нам предстоит за два года нынешней пятилетки выпустить около семидесяти картин. Это колоссальный труд. Особенно если учесть требования зрителя, предъявляемые к качеству фильмов и тем более к современной тематике,— тому острому жизненному материалу, который, как мы знаем, всегда больше всего волнует публику, сидящую в залах кинотеатров.

Рабочий класс — вот поистине наша тема номер один.

Сегодняшняя роль рабочего класса в мировом революционном процессе по-прежнему остается ведущей, авангардной, как и все вообще позиции рабочего человека в социалистическом обществе, в созидательном творчестве, возглавляемом Коммунистической партией. Носитель великих революционных традиций — советский рабочий класс, его повседневный труд, его нынешние подвиги достойны отображения в самых впечатляющих и сильных образах кинематографического искусства.

Мы считаем необходимым передать в фильмах на современную тему ту замечательную обстановку деловитости и взаимопонимания, доверия и уважения к людям, при которой в нашей стране, как говорил на съезде Леонид Ильич Брежнев, «царят единство и сплоченность, тот дух действительно дружной работы, к которому так настойчиво призывал В. И. Ленин и который делает нашу партию могучей и непобедимой».

Коммунисты 70-х годов... Облик современного партийного работника... Буквально дух захватывает, когда думаешь о значительности и глубине этих тем! И тут нужны заново осмысленные масштабы, заново прочувствованные эмоции. Нужны, я бы сказал, поистине зажигательные, творческие решения, какие в свое время были воплощены во многих замечательных произведениях советского кино...

У нас есть основания надеяться, что работа известного режиссера Алексея Салтыкова над создаваемой им сейчас картиной «Сибирячка», по сценарию А. Салынского, поэтически, ярко раскроет тему героя-коммуниста.

Эту же тему, каждый по-своему, раскроют и фильмы: «Русское поле», над которым работает Николай Москаленко по сценарию Михаила Алексеева, «Открытие» Игоря Таланкина (сценарий Д. Гранина, И. Таланкина), «Укрощение огня» — этот фильм Даниил Храбровицкий снимает по своему сценарию, и другие.

Большое значение коллектив «Мосфильма» придает работе режиссера Саввы Кулиша, которого не только советские, но и зарубежные зрители хорошо знают по фильму «Мертвый сезон». Сейчас С. Кулиш заканчивает современный политический фильм «Комитет девятнадцати» по сценарию Сергея Михалкова и Александра Шлепянова.

Подобно предыдущей картине С. Кулиша, в центре событий фильма оказывается человек, бесстрашно, энергично борющийся против тех, кто втайне готовит оружие массового уничтожения, вынашивает зловещие планы подготовки химической и бактериологической войны... Русский советский ученый профессор Смоленцев не жалеет своей жизни в этой скрытой, но отчаянной, напряженной, идущей не на живот, а на смерть борьбе...

Важным проблемам международного коммунистического движения посвящен фильм «Это сладкое слово — свобода». Над ним работают известные кинематографисты: сценарист Валентин Ежов и режиссер Витаутас Жалакявичус. Картина расскажет о присущем советским людям чувстве пролетарской солидарности, о нерушимых принципах подлинного интернационализма и революционного долга.

Замечательный мастер советского кино Григорий Александров вместе с актрисой Любовью Орловой, которая выступит в главной роли в новой картине, готовятся начать съемку фильма о героической деятельности советских разведчиков. «Скворец и лира» — так будет называться кинорассказ Л. Орловой о разведчице, прожившей большую жизнь, наполненную смелыми деяниями во имя счастья народа и родины... По ходу фильма зрители увидят героиню на разных этапах ее жизни: прекрасную женщину, полную сил и энергии, отважную патриотку, находчивую, неистощимую на выдумки...

Картина Ефима Дзигана по сценарию писателя В. Кожевникова «Север. Юг. Восток. Запад» рассказывает о нашей борьбе против агентуры империалистических разведок.

Новые картины будут ставить также режиссеры М. Калатозов, Г. Данелия, А. Алов и В. Наумов, Ю. Карасик, Л. Гайдай, А. Зархи, А. Столпер, Л. Арнштам, А. Ибрагимов и другие.

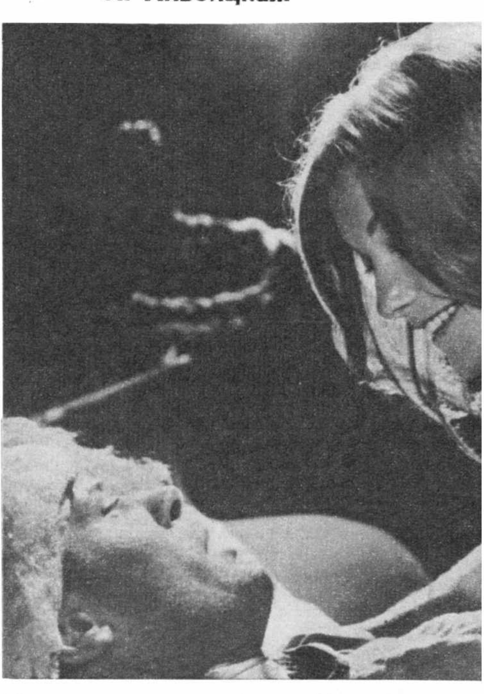
Как видите, мастера советского кино — и ветераны и молодежь — активно включились в работу над современной тематикой.

Разумеется, сюда вплотную примыкают многие волнующие зрителя острые проблемы международной политики, но мы хотим, чтоб это был не просто документализм, не просто конкретика жизни, вне их глубинного осмысления искусством... И политический детектив и сатирическая комедия, подвергающие разоблачению, острой насмешке косность, безыдейность, обывательщину, нравы и обычаи капиталистического мира, должны стать крупными явлениями искусства... Таковы, по замыслу, создаваемые в настоящее время фильмы Юлия Райзмана («Визит вежливости»), Сергея Юткевича и Анатолия Карановича («Феерическая комедия»)...

Наряду с большими эпическими картинами на «Мосфильме» создаются и комедийные ленты; интересными работами в этом жанре обещают стать фильмы Э. Рязанова «Старики-разбойники» и «Джентльмены удачи» режиссера А. Серого.

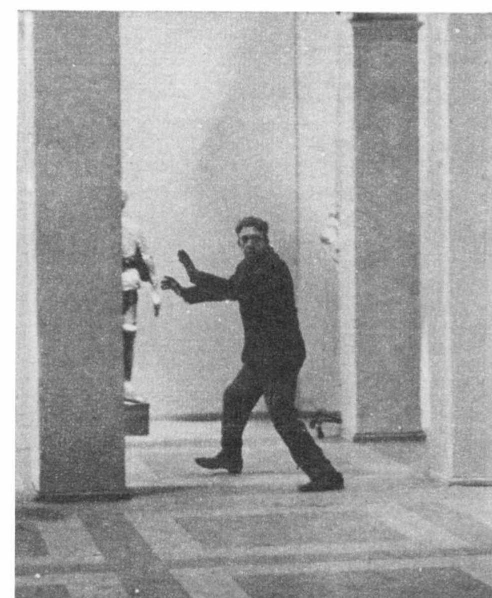
Наконец, снимает «Мосфильм» сейчас такие картины, тематику которых не просто определить; они говорят о разном, но всегда это «разное» предстает как остро волнующая человеческая жизнь,

Снимается фильм «Визит вежливости». Б. Гусаков и Л. Альбицкая.

Юрий Никулин в одной из главных ролей фильма «Старики-разбойники».

Фото Е. Умнова.

остро решаемые проблемы нравственности и советской этики, как гражданственное размышление о большом и сложном мире последней трети двадцатого века... Тут можно назвать фильмы: В. Басова «Я расскажу все», А. Тарковского «Солярис», Р. Быкова «Телеграмма», Л. Шепитько «Ты и я»...

На киностудии «Мосфильм» каждый год появляются новые режиссерские имена. В этом году в режиссерскую семью вошел Николай Губенко, который ранее проявил себя как талантливый актер. Окончив режиссерский факультет ВГИКа, он поставил свою первую полнометражную картину по сценарию В. Шукшина, в основу которого легли рассказы С. Антонова. Молодой режиссер С. Соловьев поставил фильм «Егор Булычов», где главную роль играет Михаил Ульянов...

Можно с уверенностью сказать, что многие картины,— из тех, что здесь названы мною,— оправдают наши надежды. Ибо их создатели всей душой стремятся к этому...

Но все равно, пока еще остается самой большой нашей бедой недостаток, прямо указанный Л. И. Брежневым в докладе XXIV съезду партии. «Иногда бывает даже, что произведение посвящено хорошей, актуальной теме,— говорил Леонид Ильич,— но создается впечатление, что художник подошел к своей задаче слишком легко, не вложил в свой труд всю силу своего таланта».

Талант художника, проявленный во всей силе,— это крупно вылепленные образы, яркие человеческие характеры. Это острая борьба идей, живая динамика и увлекательность сюжета... Очень важно создать эмоциональный, запоминающийся и увлекающий тип героя, глубоко показать духовный мир, переживания человека, которого зритель мог бы полюбить, взять себе в товарищи...

Конечно, это никак не означает, что художник должен уйти в смутные «порывы» человеческой души,— те рефлексы и инстинкты, которыми столь упорно занимается зарубежный кинематограф. Ни душевная патология, ни эротика, ни порнография ни в каком «преломлении» не могут войти в арсенал наших средств воздействия на зрителя. Наше киноискусство воспевает высокую человеческую нравственность, высокие общественные идеалы.

Сегодняшний советский кинематограф, где рядом с мастерами кино работают и мастера литературы, бережно сохраняет свои замечательные традиции; сохраняет постоянное стремление идти в ногу с жизнью, черпать самые боевые, горячие идеи в живой действительности, в невыдуманных событиях народной судьбы...

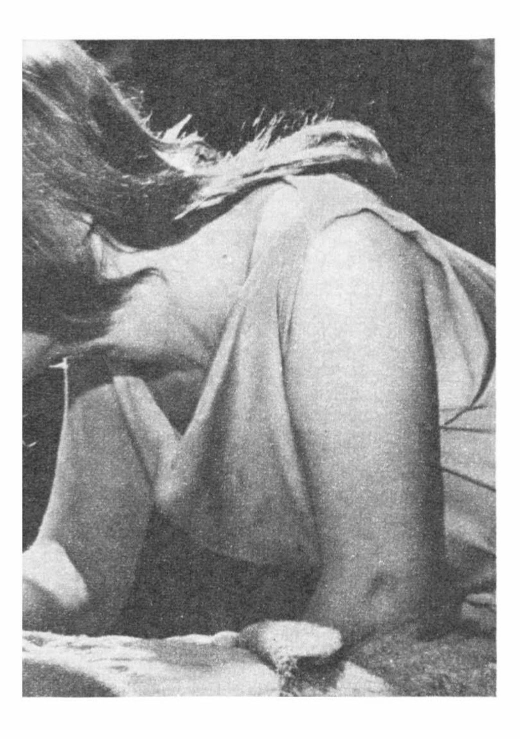
Доказательством тому опять-таки могут служить некоторые недавние картины студии «Мосфильм». Назову лишь такие различные по жанру произведения последнего времени, как монументальная эпопея «Освобождение» либо психологическая драма «Белорусский вокзал»...

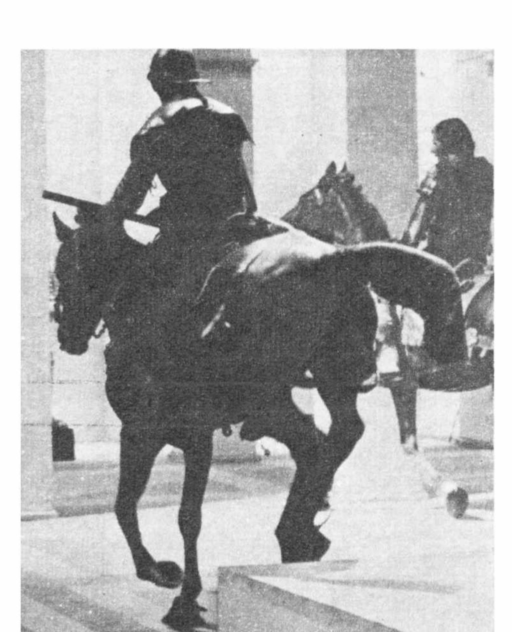
Хорошо были встречены зрителем фильмы: «Сердце России», «Бег», «Молодые», «Дядя Ваня» с Сергеем Бондарчуком и Иннокентием Смоктуновским в главных ролях, «Смертный враг», «Море в огне»... Высокую оценку получила картина «Двенадцать стульев» по роману Ильфа и Петрова... Можно было бы назвать и еще ряд удачных фильмов, обо всем не скажешь...

Добавлю только, что работа нашей студии зависит не от одного лишь творческого состава: режиссеров, сценаристов, операторов, художников, актеров... Каждый фильм является продуктом труда еще и огромного коллектива инженеров, техников, рабочих,— уникальных умельцев, мастеров своего дела. И каждый сотрудник нашей студии знает, что художественного совершенства в фильме можно достичь только при самом тщательном выполнении всех задач, на высочайшем профессиональном уровне современного кинопроизводства... Поэтому-то автором наших фильмов надо считать весь пятитысячный коллектив студии...

Как видите, мосфильмовцы сегодня активно трудятся над решением главных проблем, поставленных временем.

Воплощение жизни народа — самых различных ее сторон — требует все новых и новых сюжетных поворотов, идейно-художественных ракурсов, образных решений. Поэтому мы все считаем, что успех некоторых наших новых работ не может и не должен ослаблять требовательности к себе, снижать чувство высокой творческой мобилизованности.

На съемках фильма «Ватерлоо».

ПОБЕДА ХУДОЖНИКА

Н. ГРОМОВ

Когда стало известно, что Сергей Бондарчук принял предложение итальянской фирмы Дино ди Лаурентис поставить фильм «Ватерлоо», замысел этот не мог не вызвать известного беспокойства даже у тех, кто знает силу выдающегося мастера советской кинематографии.

Казалось, Бондарчук не успел еще освободиться от плена толстовской эпопеи «Война и мир»... Как-никак переложению гениального романа на язык киноискусства было отдано много лет, много сил, и эта работа, потребовавшая колоссального напряжения, творческого и попросту физического, была только-только завершена. Не повторит ли себя режиссер в «Ватерлоо»?.. Не ограничится ли выполнением чисто профессиональных задач, варьируя однажды найденное, решенное?.. Такая опасность, повторяю, представлялась реальной. И, надо полагать, все это прекрасно сознавал Сергей Бондарчук, художник страстный, честный.

Но оказалось, что если уж он решил еще раз вернуться к наполеоновскому времени, то, значит, был убежден, что сумеет сказать людям нечто новое, развить дальше свое понимание крутых поворотов истории, вернуться к проблемам войны и мира как проблемам вечным...

Теперь ему предстояло как бы заново выяснить в фильме смысл жизни, человеческого предназначения на земле, а также «смысл» катастрофически вторгшихся в него агрессии, насилия, неправедной, захватнической войны, как конфликт глобальный и как нельзя более современный.

Столь серьезная работа заслуживает, разумеется, пространного, тщательного исследования; я же ограничусь тем, что отмечу новый, бесспорный успех Бондарчука, талантливейшего мастера современного киноискусства. И на этот раз он сделал фильм, волнующий вопросами, обращенными ко всему человечеству. Его рассказ о времени, отдаленном от нас многими десятилетиями, звучит чрезвычайно остро, поскольку заставляет думать не только об агрессии вчерашних дней, но об агрессии, терзающей мир сегодня.

Напомню, что определяющей идеей киноверсии «Войны и мира» для Бондарчука были слова Толстого о том, что если злые люди объединяются для свершения злых, подлых дел, то и хорошим людям необходимо объединиться, чтобы победить зло...

В «Ватерлоо» Бондарчук всей силой своего огромного гражданского и художественного темперамента разоблачает античеловеческую сущность кровавой, неправедной войны. И если в «Войне и мире» торжествовала идея народного сопротивления захватчику, священное стремление защитить от противника родные края и вышвырнуть его за пределы страны, то в «Ватерлоо» вовсе нет сторонников справедливой борьбы.

Образы носителей подобной идеи здесь и не могли возникнуть.

«Победитель» сражения под Ватерлоо — и это превосходно выражено в образе герцога Веллингтона — ничуть не лучше Наполеона, потерпевшего поражение. Наоборот, Веллингтон олицетворяет тиранию, еще более изощренную,— тиранию холодную, расчетливую и жестокую.

Наполеон — его великолепно, с поразительной точностью и внутреннего, психологического портрета и красноречивых внешних деталей играет замечательный американский актер Род Стайгер,— терпит поражение не из-за тактических военных просчетов. Нет, мертва уже самая идея, которая в свое время приносила невиданные победы Наполеону. Он по-прежнему умен и смел, по-своему обаятелен... Искусно владея гипнотизмом властелина, показной «демократией», он властно притягивает к себе сердца своих солдат. Но беда его в том, что он еще до начала битвы сломлен морально, не в состоянии избавиться от смертельной раны, нанесенной ему русским народом на полях России.

Трагизм положения в том, что Наполеон где-то и сам ощущает, что все напряжение его громадного ума, неукротимая энергия военного гения помочь уже не могут... И самое печальное для него, что он проигрывает битву не такому достойному противнику, каким был Кутузов, а безликому, паркетному, выхоленному генералу Веллингтону и посредственному служаке, злобному Блюхеру.

В фильме есть сцены, поразительные по яркости, эмоциональной заразительности. Таковы, скажем, первая встреча Наполеона с войсками после его высадки на берег Франции, как и встреча с маршалом Неем, ну, и, конечно, все знаменитые батальные сцены, в мастерстве изображения которых Бондарчуку, пожалуй, нет равных в мировом кинематографе.

В фильме «Ватерлоо» нет героя, одерживающего победу. Но победитель есть: это создатель картины, большой художник мирового кино. Смотришь фильм и думаешь: как же хорошо, что по-прежнему есть в нашем советском искусстве столь высокий размах мысли и страсти, партийной направленности, высоких нравственных решений.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ЭТОТ УЖАСНЫЙ БИЛЕТ

Уф, наконец-то я достал билет в цирк! Для этого пришлось уступить свою очередь в магазине на польскую кухню и побелить у кого-то потолки на даче.

Но так или иначе, теперь долгожданный билет лежал у меня в кармане, и я подходил к зданию цирка в весьма приподнятом настроении.

Мои приятные размышления прервал высокий человек в белом халате внакидку.

— Простите, товарищ,— озабоченным голосом произнес он,— покажите ваш билет. Какое у вас место?

— Седьмое место в шестнадцатом ряду,— недоумевая, ответил я.

— Так я и думал! — сказал он.— Я обязан вас предупредить, что ухожу по вызову к заболевшему дрессировщику. Меня в кабинете не будет. Так что в случае чего обращайтесь в поликлинику за углом.

— Я, видимо, не тот, кто вам нужен...

— Как же не тот? Ведь вы сами сказали, что у вас седьмое место в шестнадцатом ряду. Я как врач обязан... Видите ли, объективных причин никаких нет, но это место у нас... какое-то несчастливое. Началось все с того, что однажды дрессировщик на манеже не усмотрел и из-за ограды выскочил лев. И почему-то прыгнул прямо на то самое седьмое место в шестнадцатом ряду. Правда, все обошлось благополучно, если не считать того, что мужчина, который там сидел, потом полгода лечился от заикания.

Сначала мы решили, что это просто случайность. Но через некоторое время жонглер по рассеянности бросил свой бумеранг другим концом, и тот приземлился, как вы думаете, где? Совершенно верно, на том же самом месте, того же самого ряда.

Еще через месяц на это место совершил прыжок акробат. А в прошлую среду...

— Простите,— сказал я доктору,—куда можно сдать этот билет?

— Да что вы! — возразил он.— Не беспокойтесь. Мой кабинет внизу, направо у входа.

— Мне нужно вернуться... Я забыл дома выключить утюг и вообще...

— Тогда конечно! Бегите скорее. Давайте ваш билет, я сам сдам его в кассу.

Я взял у него деньги, отдал билет и быстро зашагал к остановке. Садясь в автобус, я услышал его звонкий, радостный голос:

— Зоя! Иди сюда! Мне удалось достать тебе билет!

ТВОРЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА

Нет, все-таки что вы там ни говорите, а для артиста творческая атмосфера очень много значит. Я в этом недавно убедился. А получилось это как? Мы с женой оба жонглеры, только недавно в цирк поступили. И вот вышла у нас заминка с номером. Сколько ни репетировали, брака очень много получалось. Я ей тарелку кину, а она в этот момент о новой прическе задумается и не поймает; она бросит, а у меня глаз зачешется, и тарелка летит мимо. В общем, как говорится, вдохновения не было. Нас уж решили из цирка отчислить.

Вот пришли мы как-то с женой на очередную репетицию, видим, что дело не подвигается, ну и разговорились.

— И зачем только я замуж за тебя пошла? — говорит жена и кидает мне две тарелки.— Ведь делал же мне предложение Романов. Сейчас бы я вместе с ним крокодилов дрессировала. Все-таки с крокодилами работать гораздо интереснее, чем с тобой.

Разозлился я тут. Ладно, думаю, ты у меня попрыгаешь! Поймал обе тарелки, схватил с пола третью и все вместе высоко над женой бросил. Да еще кричу:

— Повезло же Романову! Если бы ты за него вышла, то он бы сейчас сам плакал крокодиловыми слезами!

Жена в другое время ни за что бы эти тарелки не поймала. А тут изловчилась, подпрыгнула, ухватила все три, да еще от себя четвертую прибавила и всю кучу мне под ноги пустила.

— Не трожь крокодилов! Ты на них просто из зависти наговариваешь, потому что они способней тебя!

Я пластом растянулся, чтоб ни одной тарелки не упустить. Прижал их к себе, еще парочку прибавил и пустил их в жену веером.

Как жена ухитрилась все тарелки поймать, понять не могу. Но через секунду в меня уже целый сервиз летел на двенадцать персон.

В акробатическом прыжке я перехватил сервиз, прибавил к нему супницу, масленку и блюдо для селедки и отправил обратно. Жена, со своей стороны, присовокупила солонку, перечницу и соусник. Я ответил добавлением дюжины приборов для яиц. Жена послала мне плюс ко всему бутылку с уксусом. Я уже приготовился пустить в ход мясорубку и машинку для закручивания банок с компотами, но в этот момент заметил, что рядом со мной стоит директор цирка.

— Браво! — сказал директор и зааплодировал.— Поверьте мне, я двадцать лет в цирке, но такого еще не видел! Это уникальный номер. Завтра же выпускаю вас на манеж. Абсолютно уверен в успехе!

Мы с женой поглядели на него, потом перевели взгляд друг на друга и, сложив посуду, отправились домой готовиться к завтрашнему выступлению. Теперь мы ясно представляли себе, что необходимо артисту для успеха. Что бы там ни говорили, но прежде всего артисту нужна творческая атмосфера...

ЛУЧШИЙ НОМЕР

Я сделал стойку на руке, на моей правой ноге сделала стойку на передних лапах собака, а на левой ноге — кошка, но уже на задних лапах. Одновременно левой рукой я показывал фокусы с картами.

— Ну, как номер? — спросил я директора цирка.—Зачисляете меня в труппу?

— Это не номер! — поморщился он.— Вряд ли это понравится Ивану Ивановичу из отдела культуры. Нет, друг мой, это старо!

Тогда я сделал стойку на голове, а в руки взял гитару и в таком положении принялся исполнять цыганские романсы. Карты я передал собаке, которая теперь показывала фокусы на моей левой ноге, а на правой кошка танцевала вальс-бостон.

— Нет, это не номер! — покачал головой директор.— Ивану Ивановичу это наверняка не понравится. Нету, знаете ли, изюминки, которая могла бы увлечь зрителя...

Тогда мы поменялись ролями. Кошка сделала стойку на письменном столе директора, на ее левой задней ноге сделала стойку собака, которая теперь стала играть на гитаре. А на правой кошкиной ноге сделал стойку я. По совместительству я жонглировал двухпудовыми гирями, метал бумеранг и рассказывал анекдоты.

— Увы! — развел руками директор.— Это не номер! Я не хочу из-за вас краснеть перед Иваном Ивановичем.

Тогда кошка принялась ходить по потолку, собака уцепилась зубами за ее хвост и выделывала в воздухе разные гимнастические трюки, а я, достав ручную пилу, распилил себя на четыре части, потом взял со стола директора пузырек с канцелярским клеем, склеил все части и встал перед директором как ни в чем не бывало.

— Это не номер! — пренебрежительно махнул он рукой.— Ивану Ивановичу...

— Да Иван Иванович из отдела культуры — мой родной дядя! — не выдержал я.

— Вот это номер! — сказал директор.— Дорогой мой, что же вы раньше не сказали...

НЕСЕРЬЕЗНЫЙ ТАЛАНТ

Александр Углев был не простым клоуном. Это был талантище. Даже если он не старался рассмешить, уже один его какой-то удивленно-комический вид вызывал безудержный хохот. Когда Углев приходил в магазин, у продавщиц со смеху тряслись руки, и они регулярно его обвешивали.

Не так просто жить таланту. Как-то раз Углев пришел на прием к начальнику жэка и пожаловался, что у него в квартире текут потолки. Начальник взглянул Саше в лицо и нахмурился:

— Товарищ, не смешите меня.

— Но у меня в самом деле течет...

— Товарищ, говорите серьезно, мне некогда слушать ваши шутки. Мы не в театре.

— Да право же, я не шучу...

— Товарищ, вы будете говорить серьезно? У меня нет времени, меня ждут другие посетители. Итак, что вам нужно...

— Но я...

— Извините, товарищ, освободите кабинет. Следующий!

В другой раз Углев пришел к директору цирка и попросил предоставить ему отпуск за свой счет.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся директор.— Ты сам это придумал?

— Сам,— потупился Саша.

— Замечательно, дорогой, очень смешная реприза! Совершенно новая тема, такого в твоем репертуаре еще не было!

— Да нет... я... в самом деле...

Директор ухватился руками за живот и захохотал:

— Ой, умора! Какая мимика! И где ты только ее подглядел? Это будет чудесная интермедия.

— Но я не смеюсь, я серьезно...

Директор вытер платком выступившие слезы и похвалил:

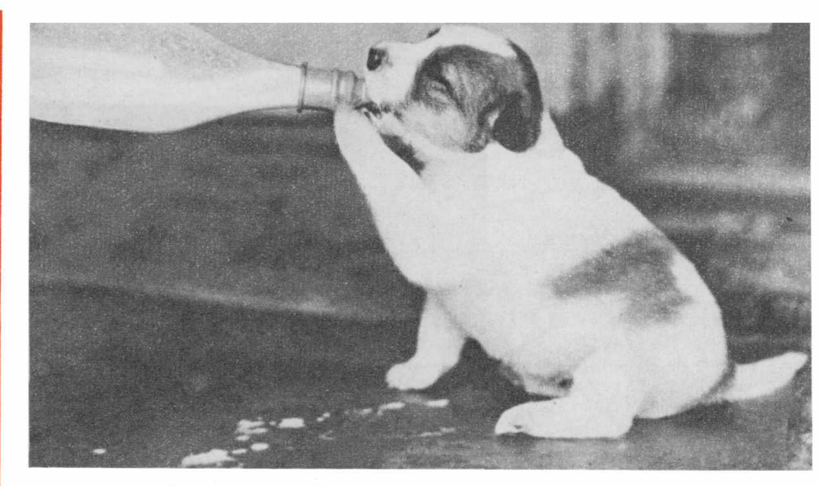
— Вот это и хорошо, что не смеешься! В этом твое главное достоинство как клоуна! Смеяться должен зритель!.. — И, насмеявшись вдоволь, добавил: — Ну иди и подумай, чем ты закончишь этот номер. Здесь нужен эффектный финал...

Однако все это можно было бы еще стерпеть. Но когда Саша пришел к любимой девушке, чтобы объясниться в любви, она со смеху чуть не упала со стула:

— Ой, не могу! Ой, Саша, миленький, как смешно ты влюбленного изображаешь! Голубчик, а теперь пьяного изобрази. Ну, что тебе стоит! — И девушка снова залилась звонким смехом.

Через месяц она вышла замуж за человека, который не обладал никаким талантом, но зато всегда выглядел серьезным и задумчивым.

Это была последняя капля. Три дня Углев ходил сам не свой. А на четвертый день он уволился из цирка и поступил на курсы сварщиков. Сварщики обычно работают с масками, и к Саше стали относиться серьезно.

КОГДА НЕТ МАМЫ...

Фото В. Микова.
г. Нефтеюганск.

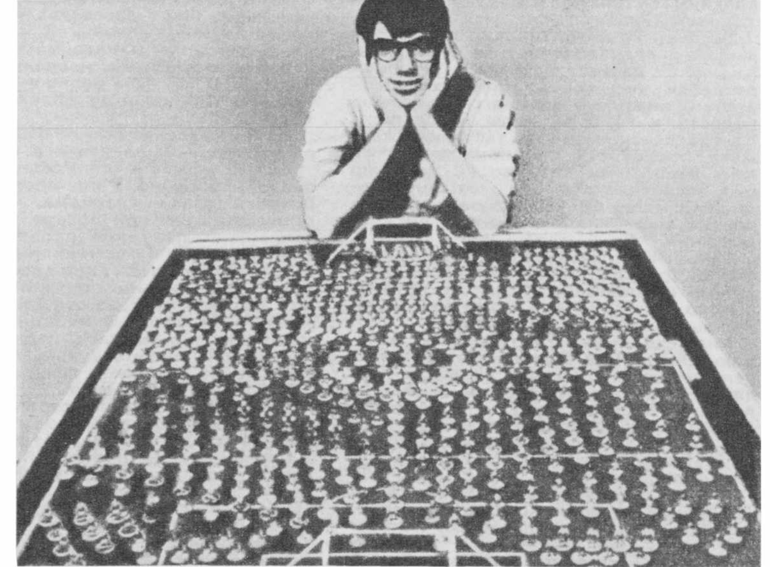

ХОДЯЧИЙ КИОСК

Чтобы защитить себя от дождя, лондонский продавец газет Р. Харкаут приспособил к зонту прозрачный пластик и проделал в нем окошко.

КОЛЛЕКЦИЯ БОЛЕЛЬЩИКА

Джони Бест, живущий в Ливерпуле,— страстный болельщик футбола. В его коллекции более семисот оловянных спортсменов в красочной форме известных футбольных команд мира.

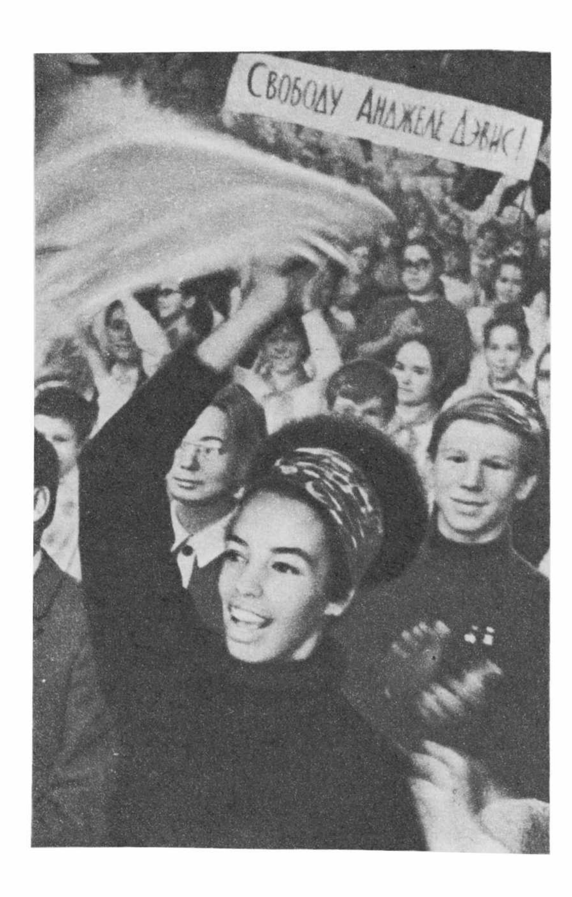

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Фото В. Федорова.
г. Курск.

ЖИЗНЬ АНДЖЕЛЫ ДЭВИС В ОПАСНОСТИ

ВСТРЕЧА НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С СЕСТРОЙ ГЕРОИНИ — ФАНИА ДЖОРДАН ДЭВИС.

Было обычное осеннее утро 1956 года. Казалось, ничто не может нарушить покой и тишину, царящие в Бирмингеме. Вдруг раздался оглушительный взрыв и раскатами грома прокатился по улицам города. В результате взрыва бомбы, подложенной местными расистами, была разрушена полная народа негритянская церковь.

Два дня подряд в домах погибших звучали печальные молитвы. Родные и близкие, друзья провожали в последний путь тех, кто стал жертвой расовой ненависти.

В одной из негритянских квартирок рыдала двенадцатилетняя девочка, Анджела Дэвис. Развалины церкви погребли под собой четырех ее подруг. С ними она делила свои первые радости и горести, игры и шалости. Их трагическая смерть заставила Анджелу посмотреть на окружающий ее мир взрослыми глазами. С тех пор она посвятила всю свою жизнь борьбе за лучшее будущее своего народа, против социальной и расовой дискриминации.

Так начала рассказ о своей сестре Фаниа Джордан Дэвис, которая находилась в Советском Союзе по приглашению ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР.

Анджела избрала марксизм по велению сердца. Она в совершенстве овладела немецким языком, чтобы в подлиннике читать Маркса и Энгельса. Анджела Дэвис вступает в Компартию США. По ее словам, только эта партия «до конца последовательна в своем марксистском анализе американского общества».

В 1969 году она получает место на кафедре Калифорнийского университета и преподает философию. В письмах домой она сообщала о том, что постарается честно выполнить свой долг перед студентами и научить их правильному пониманию действительности, мировоззрению передового общественного класса.

Уже в первой своей лекции, «Негритянские идеи в американской литературе», Анджела проявила незаурядные знания и эрудицию. О ней заговорили как о талантливом преподавателе. Послушать лекции Дэвис приходило по нескольку тысяч человек.

Но лекции Анджелы привлекли внимание не только тех, кто честно и добросовестно хотел изучить философию. Агент ФБР, находившийся среди студентов, донес, что она коммунистка. И когда президент университета спросил ее, так ли это, она смело ответила: «Да, я член коммунистической партии».

Одновременно с преподавательской деятельностью Анджела ведет большую общественную работу. Она участвует в митингах протеста против войны во Вьетнаме, выступает за равные права негров, против социальной несправедливости, требует прекратить преследование партии «Черные пантеры».

Над ее головой собирались тучи. За ней была организована тщательная слежка агентов ФБР. Каждая ее лекция записывалась на магнитофон. Губернатор Калифорнии Рейган, думая изолировать ее от рядовых американцев, назвал ее «красной».

Удар был нанесен неожиданно. Федеральное бюро расследования предъявило Анджеле ложное обвинение якобы в соучастии нападения на судью и попытке освободить нескольких обвиняемых. И вот уже больше года она в тюрьме. По ложному обвинению. Без суда.

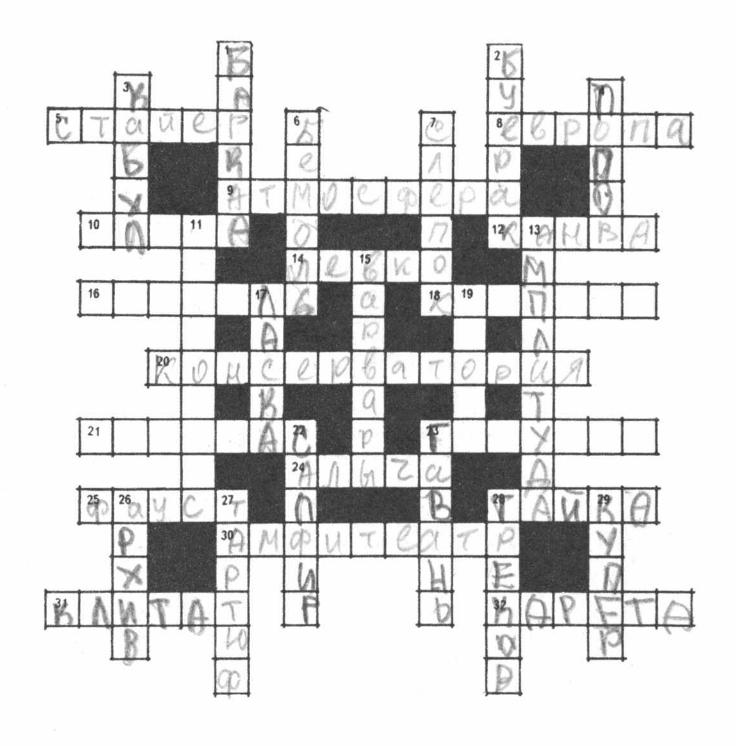
— Я,— рассказывает Фаниа Джордан Дэвис,— была у нее в конце сентября в тюрьме в Сан-Рафаэле. Здоровье ее подорвано. У нее прогрессирует болезнь глаз — глаукома, что может привести к полной потере зрения. Ей запрещено получать продовольственные посылки. Тюремная пища становится с каждым днем все хуже и хуже. Она сильно похудела. Начальник тюрьмы наотрез отказывается позволить оказать ей медицинскую помощь. Но она молодец, держится. Она все так же сильна духом, по-прежнему уверена в правоте дела, за которое она боролась и борется.

Я объехала немало стран Европы, включая Советский Союз, чтобы сообщить о том произволе, который царит в Соединенных Штатах. Я отправилась в эту поездку, чтобы спасти жизнь моей сестре. Ее близкие, родные, мать, отец и оба брата, отдают все свои силы борьбе за освобождение Анджелы и других политических заключенных. Вся жизнь Анджелы Дэвис является примером честности, мужества и высшей ответственности перед своим народом. И какой бы приговор ни вынесла ей американская реакция, история ее оправдает.

В заключение Фаниа попросила советские органы печати, в том числе и журнал «Огонек», передать своим читателям чувство огромной благодарности за те письма и телеграммы, в которых граждане СССР требуют немедленного освобождения Анджелы Дэвис.

Ю. СВЕРДЛОВ

На снимке: Фаниа Джордан Дэвис в Московском Дворце пионеров.
Фото К. Каспиева.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Бегун на длинные дистанции. 8. Часть света. 9. Газообразная оболочка Земли. 10. Цветок. 12. Хлопчатобумажная ткань для вышивания. 14. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 16. Французский драматург XVII века. 18. Птица, гнездящаяся колониями. 20. Высшее учебное заведение. 21. Литературный кружок в Петербурге, в котором участвовал А. С. Пушкин. 23. Болгарский смычковый инструмент. 24. Плодовое дерево. 25. Драматическая поэма Гете. 28. Резьбовая деталь. 30. Места в зрительном зале. 31. Метеорологические условия, свойственные данной местности. 32. Закрытый конный экипаж.

По вертикали: 1. Гребная шлюпка. 2. Небольшой овраг. 3. Столица Афганистана. 4. Изобретатель радио. 6. Музыкальный знак. 7. Точное воспроизведение предмета, отлитое из гипса. 11. Согласованное сочетание звуков. 13. Размах колебания маятника. 15. Пьеса М. Горького. 17. Хищное животное семейства куньих. 19. Травянистое растение. 22. Драгоценный камень. 23. Место стоянки судов. 26. Учреждение для хранения старых документов. 27. Комедия Мольера. 28. Советский художник-баталист. 29. Автор романа «Последний из Могикан».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 4. Нагульнов. 5. Пуща. 6. Танк. 8. Кусачки. 11. Соло. 13. Копер. 16. Арат. 17. Халва, 18. «Алеко». 19. Узбекистан. 20. Чайковский. 22. Тарту. 23. Карта. 25. Дина. 26. Конда. 27. «Соть». 30. Канцона. 31. Тана. 32. Неон. 33. Склонение.

По вертикали: 1. Поликарпов. 2. «Казаки». 3. Зонтик. 5. Порох. 7. Какао. 9. Иокубонис. 10. Калькутта. 12. Слесарь. 13. Карасук. 14. Рабатка. 15. Пескарь. 21. Венецианов. 22. Тацит. 24. Асуан. 28. Сказка. 29. Сантим.

На первой и последней страницах обложки: фотоэтюд А. Бочинина и А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

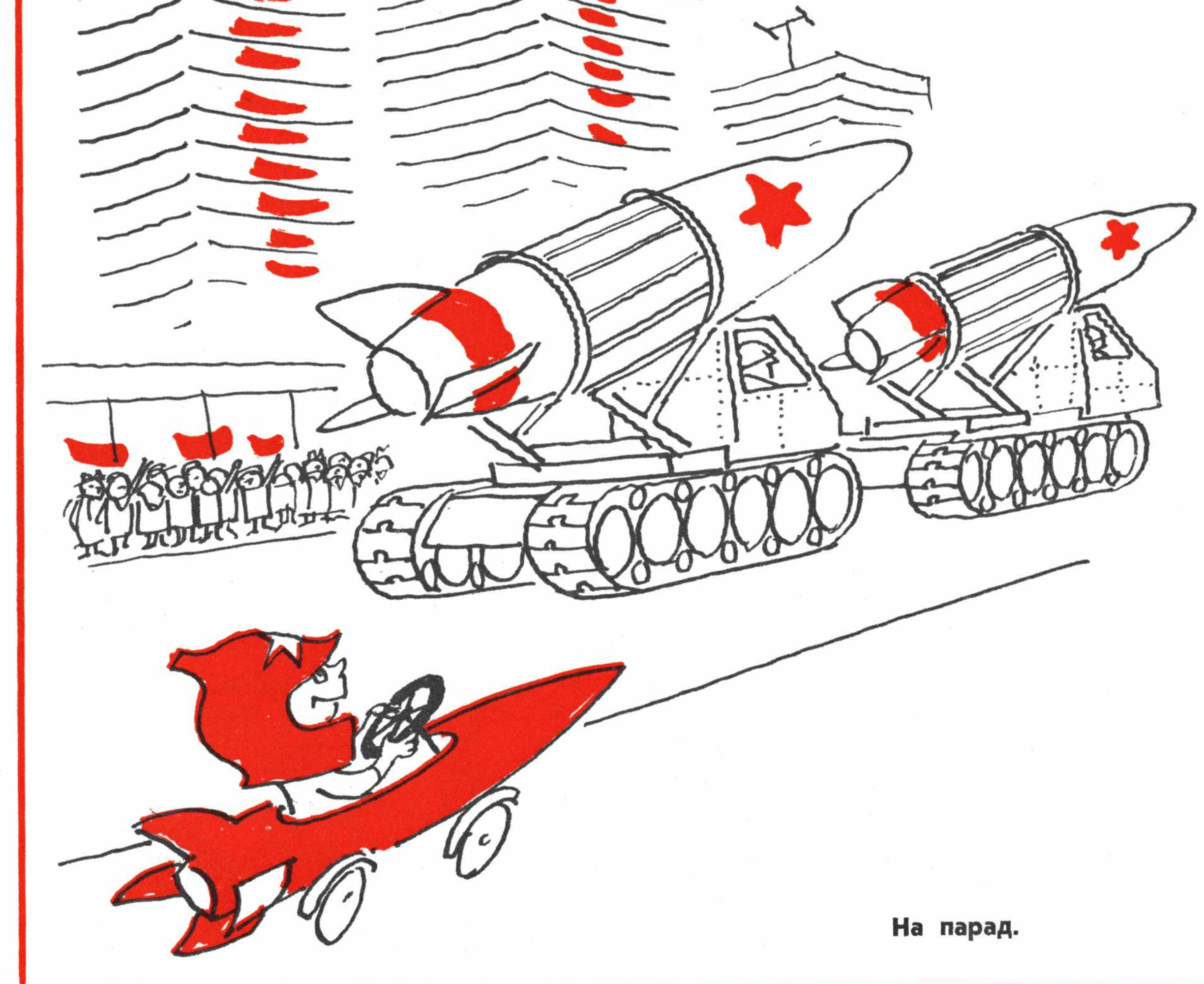
Сдано в набор 19/X-71 г. А 00644. Подп. к печ. 2/XI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2424. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2047.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

— У нас в семье все потомственные подводники.

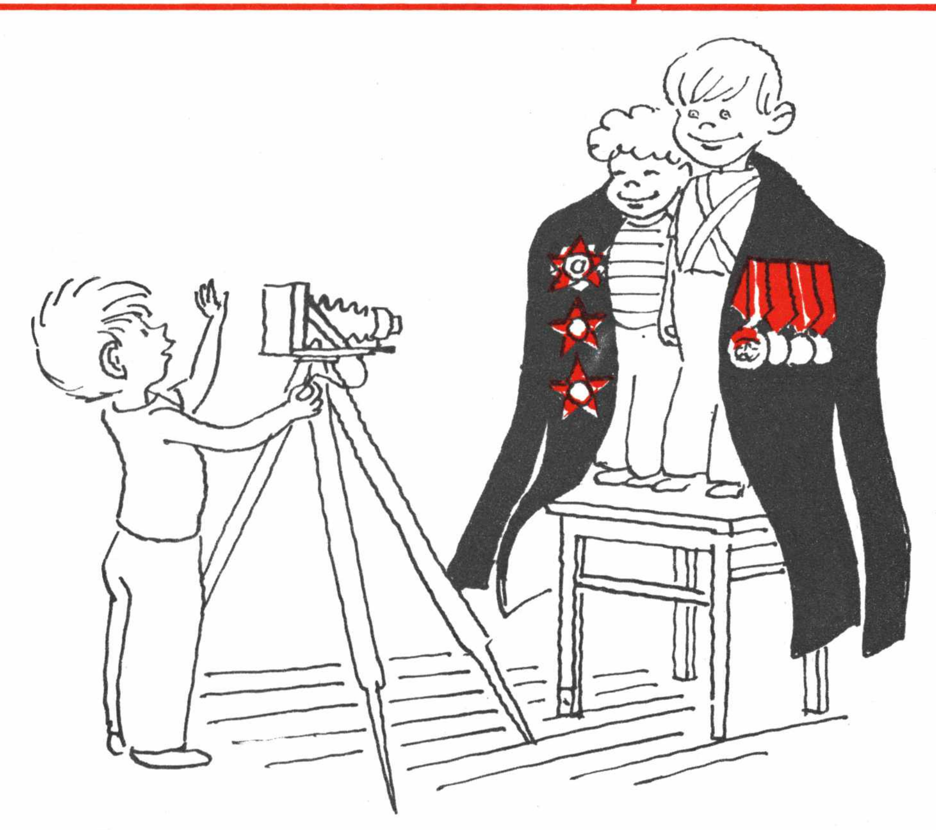
Рисунок Б. Боссарта.

На парад.

Сталевар. Рисунок Ю. Федорова.

— Быстрее, пока дедушка не видит...

Рисунки Ю. Черепанова.

— Все равно пойду на демонстрацию.

— Папа, мама волнуется, что ты долго не идешь.

Рисунок В. Тильмана.

ЗЕМЛЯ ПОВОРАЧИВАЛАСЬ...

Степан ЩИПАЧЕВ

На фронте,
поземкой пыля,
давно снега не белели так:
израненная земля,
казалось, лежала в белых бинтах.

Семнадцатый год!
Сквозь вьюги и тьму
с солдатскими думами,
с тревожными снами
Земля поворачивалась к нему
под красное знамя.

Она поворачивалась к Октябрю,
в оглохшей Вселенной молила о мире,
сменяла зарею зарю,
но люди все так же стреляли не в тире,

все так же
от крови, а не от росы
сырела земля в канонадной дрожи,
и острые кайзеровские усы
торчали с лубочных обложек.

Но грозная песня «Интернационал»,
ломая границы, уже сотрясала
хрустальные люстры в распахнутых залах,
хотя и слова еще мало кто знал.

Земля поворачивалась,
и с ней —
судьба человечества
вместе
с судьбою моей и твоей.
О том говорилось и в песне.

Курсантскую молодость снова пою,
буденновский шлем островерхий,
как будто у времени на поверке
я в нем и сегодня стою.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.